

Дарья Александровна Калинина

Шутки старых дев

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119214
Шутки старых дев: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-00512-9, 5-699-13620-7*

Аннотация

Идя на именинное чаепитие к бабушке, Даша никак не ожидала, что оно будет столь трагичным. Сначала стреляют в нее, а потом убивают одну из приглашенных. На свою беду, девушке удастся рассмотреть неизвестного, и она оставляет в милиции фоторобот преступника. Спустя несколько дней Даша понимает, что следствие в тупике и надо спасать саму себя. Решение приходит неожиданное: прихватив для компании подружку, она скрывается за стенами монастыря. Но и там небезопасно – человек с фоторобота под видом художника проникает в святую обитель...

Дарья Калинина

Шутки старых дев

До сих пор толком не могу понять, чего мне приспичило тащиться через тот садик? Вполне могла бы пройтись по улочке, которая в этот, надо отдать ему должное, сильно вечерний час была тоже довольно безлюдна, но все-таки не настолько, как пустующая по вечерам территория детского садика. Ну и что с того, что по улочке до бабушкиного дома пришлось бы сделать солидный крюк? Нельзя же всегда переть напролом, полагаясь только на свою удачу; она дама капризная, и к тому же некогда ей поминутно порхать надо мной – у нее имеется масса других дел, может и не уследить. И что с того, что в этом самом садике прошли мои детские годы? Что с того, что здесь я играла и пряталась? Наоборот, зная, сколько тут потайных местечек для засад, могла бы предположить, что ими могут воспользоваться и другие, причем для забав отнюдь не детских. Что делать, ведь люди с годами становятся серьезнее, и их игры соответственно тоже.

Однако ничего подобного мне в голову почему-то не пришло, и я отважно потащила через пустой и уже темный – по случаю разыгравшейся непогоды – садик, да еще принялась бодро насвистывать себе под нос какой-то мотивчик. К бабушке, видите ли, торопилась! Дура! Если они меня там с восьми вечера ждали, так и еще немного бы подождали, ничего бы с ними не случилось. За прошедшие годы деревьев и кустов на территории детского садика значительно прибавилось. То ли на озеленение не скупилась, то ли место тут такое, что зелень произрастает самовольно и без каких-либо дополнительных субсидий. Как бы то ни было, а ее, этой зелени, тут столько, что дух захватывает. Вдобавок многие деревья – в частности, тополя – вымахали до неприличных прямо-таки размеров, даже переросли здание садика, двухэтажное, как и большинство зданий подобного типа. В жару и днем – на худой конец, утром – тут, должно быть, премило, но в тот момент мне стало не по себе уже после нескольких робких шагов. Их как раз хватило на то, чтобы я оказалась на достаточном расстоянии от забора и смогла в полной мере оценить уединенность садика и оторванность его от всего остального мира. На территорию садика я попала через дыру в проволочной сетке, наивно полагая, что об этой дыре знаю лишь я одна.

Тропинка змеилась между детскими горками, качелями и клумбами, на которых росли ранние и слегка подпорченные ночными заморозками сорняки. Забравшись в глубь садика, где меня уже точно не было видно с улицы, я почувствовала неприятное покалывание в области позвоночника, но даже это предостережение не заставило меня повернуть обратно. Я упорно перлась вперед. Более того, вспомнив о том, что за здоровьем надо следить, принялась усиленно дышать свежим воздухом. Из-за своих дыхательных упражнений я и не заметила фигуру, притаившуюся в кустах, обильно разросшихся возле крыльца. Зато я обратила внимание на тень от этих кустов. Тень выглядела весьма причудливо – так, словно в кустах кто-то сидел, держа при этом в руке какой-то продолговатый предмет. Чтобы разглядеть его получше, я наклонилась, а затем резко сделала шаг в сторону – захотелось посмотреть и в середину куста, но мешали ветки. И вдруг из кустов, скорее всего из того места, где находился заинтересовавший меня предмет, вырвалось пламя. Выстрела я не услышала, но не потому, что меня сразила вражеская пуля, а потому, что звука, в сущности, не было, просто раздался негромкий хлопок. Даже моих скудных мыслительных способностей хватило на то, чтобы сообразить: мне тут не рады и надо уносить ноги, пока они еще при мне. Сообразила я это мгновенно, есть чем гордиться.

Я бросилась по направлению к ближайшему – и единственному – фонарю. Безусловно, это было не слишком-то умно с моей стороны, так как бежать следовало к выходу, а не к фонарю – к тому же он не горел. В общем, я здорово облегчала задачу таинственному охот-

нику; этот охотник вместо того, чтобы удовольствоваться полученным эффектом и остаться в кустах, бросился за мной следом. Странно, чего это он вдруг воспылал таким желанием пообщаться со мной? На улице же было сумеречно, и шел дождь. Тучи висели низко и света не прибавляли. К тому же... Когда я наклонилась к кустам, волосы упали мне на лицо, поэтому толком разглядеть меня стрелок не мог – вполне могла оказаться какой-нибудь уродиной. Так зачем же ему себя затруднять и бегать за мной, к тому же непрерывно паля из своего оружия?

– Мамочка! – завизжала я, прибавляя ходу и петляя, как заяц.

Выстрелы раздавались один за другим, во всяком случае, мне так показалось. Долго это продолжаться, конечно, не могло. Либо у него кончились бы патроны, либо у меня – запас здоровья, выражаясь языком компьютерных игр. Последнее меня никак не устраивало. Этим вечером мне предстояло встретиться со всеми родственниками с материнской стороны, и расстраивать их своим отсутствием мне вовсе не хотелось. К тому же у меня еще имелись кое-какие планы на грядущую ночь – как, впрочем, и на все последующие. Лежать же холодным трупом где-нибудь в морге – подобное, разумеется, в мои планы не входило. Мало того, что я опоздала на день рождения своей бабули, так меня еще и угораздило впутаться в черт знает во что... И тут меня осенило: сразу за углом, в стене здания детского сада, имелась ниша, где в детстве я, бывало, не раз пряталась во время игр. Тогда я помещалась в нее целиком, и сбоку меня никто не видел. Конечно, с тех пор могло многое измениться, например, могли заделать нишу, да и сама я изрядно поправилась и выросла. Но подумать об этом я не успела и, перестав визжать, завернула за угол. Слава богу, ниша оказалась на месте!

Прильнув всем телом к стене, я постаралась уменьшиться до размеров кролика или мышки. После этого мне только и оставалось, что подставить своему преследователю ножку. Ну, это у меня всегда хорошо получалось! Я могла гордиться, детские годы прошли не даром. Он вылетел из-за угла, не подозревая о ловушке, и, разумеется, тут же споткнулся о мою услужливо вытянутую ногу. На той скорости, с которой стрелок передвигался, это не могло не привести к трагическим для него последствиям. С диким воплем он пролетел вперед несколько метров и впечатался в асфальт, которым предусмотрительно была покрыта земля вокруг здания детского сада. Я же смирила свою добросердечную натуру и не стала кидаться ему на выручку, вообще не стала проявлять какую-либо заботу о нем. А ведь успела разглядеть, что мой преследователь был просто потрясающе хорош собой, хотя и явно относился к восточно-азиатскому типу. Но здравый смысл взял свое, и я сообразила: красавчик вряд ли вырубился настолько, чтобы можно было без риска приблизиться к нему для оказания первой медицинской помощи и изъятия оружия.

– И убирайся отсюда, хулиган, а то я сейчас милицию вызову, – пригрозила я парню на прощание, таинственно исчезая в густых зарослях кустов, закрывавших еще одну дырку в проволочном заборе.

Ответом мне, если это вообще можно принять за ответ, была серия выстрелов, которые он дал по моей тени из положения лежа. Для представителя восточной расы стрелок был весьма немногословен. Выстрелы же несколько испортили впечатление от моего величественного исчезновения – пришлось поторопиться с поисками дыры и плюнуть на то, что дыра эта более всего подходила для небольшой собаки или кошки. Опустившись на четвереньки, подгоняемая треском кустов за спиной, я пролезла под сеткой и оказалась на пустыре. К счастью для меня, рядом пролегал путь из торгового центра, работающего до полуночи, к ближайшему жилому массиву. И в этот час пустырь очень напоминал дорожку к муравейнику, сплошь усеянную его обитателями.

Но все равно задерживаться возле забора я не стала. Наоборот, помчалась во весь дух. Ведь мой кровожадный преследователь мог вцепиться в меня на прощание парочку пуль – проволочная ограда и несколько десятков добропорядочных и не очень добропорядочных

граждан никак не помешали бы этому. К тому же мой плащ и пиджак с юбкой после проползания под сеткой вызывали недоумевающие взгляды тех самых граждан, которым по сценарию полагалось являться гарантией моей безопасности. Я поняла это, когда услышала:

– Эй, подруга, присоединяйся. У тебя стакана случайно не найдется?

Спрашивающий стоял в группе потрепанных жизнью пьянчужек. Видимо, они меня приняли за свою. Потому что зазывно махали руками, приглашая присоединиться к банкету, состоящему из нескольких бутылочек с какой-то подозрительной жидкостью. Ужаснувшись одному только предположению, что меня могут увидеть в компании алкоголиков, распивающих жидкость для снятия лака, я поспешила ретироваться и зашагала в сторону бабушкиного дома. И меня совершенно не мучали угрызения совести, хотя я и могла бы выручить этих славных, в общем-то, людей и одолжить им стакан, который таскала в сумке с позапрошлой недели, каждый день обещая себе выложить его дома и каждый раз забывая.

Мне этот стакан достался, что называется, по случаю. У Левки – моего знакомого – после пятой рюмки начинает с неслыханными темпами прогрессировать kleptomания, причем для нее симптоматично, чтобы она проявлялась только в значных местах: в барах, кафе, ресторанах и, наверное, в борделях. За последние не поручусь, там Левка всегда бывает без меня, но в остальных местах люди немало натерпелись от подпившего Левки. Он тащит абсолютно все, что попадает под руку, причем питает явную слабость к стаканам, кружкам, рюмкам и кофейным чашечкам. Металлические пепельницы и подсвечники находятся в относительной безопасности, но только до той поры, пока на столе имеются упомянутые выше стеклянные и фарфоровые предметы в количестве, способном удовлетворить непомерные Левкины запросы. Чтобы не попасть в неприятную ситуацию – когда официант обратит внимание на подозрительно быстро пустеющий стол, – друзьям приходится следить за Левкой и начинать лучше уже после четвертой рюмки. Но в тот раз я зазевалась и не углядела, как Левка ловко засунул в мою сумку красивый стакан с ажурной резьбой по стеклу уже после третьей рюмки. Я совершенно упустила из виду его рассказ о том, как у них закрылась из-за прорыва водопроводной трубы столовая и он остался голодным. Неоднократно все Левкины друзья пытались привлечь его внимание к симпатичным цветастым картонкам, которые кладутся под пивные кружки, но трезвый Левка послушно соглашался, что это чудная и очень полезная в хозяйстве вещь, а пьяный Левка продолжал тащить дорогостоящую посуду.

В общем, стакан оказался у меня; я же с детства была до тошноты порядочная, поэтому, как дура, таскала с собой этот злосчастный стакан, надеясь, что подвернется случай незаметно вернуть его на место. На то, чтобы не делать это в открытую, сообразительности у меня хватило. Впрочем, сразу же скажу: не следует слишком уж восторгаться моей осторожностью – ей предшествовал ряд неприятных инцидентов, когда я, охваченная благородными и возвышенными чувствами, стремилась восстановить справедливость. Люди почему-то всегда реагировали однозначно и вместо благодарности для начала выливали на меня ушат грязи, незаслуженно обвиняя в каком-либо проступке; напоследок же мне грозили санкциями вышестоящих начальников или организаций. Никто в мое благородство верить не желал. Наоборот, меня презирали за трусость: дескать, натворила дел, а теперь струсила и каяться притащилась. Как же, поверим мы тебе и твоему лепету.... Тем не менее привитые в детстве качества по-прежнему требовали своего. Приходилось идти на уступки и добрые дела совершать не чаще одного раза в месяц и обязательно тайно.

Пока же я смиренно трусила в сторону бабушкиного дома, от души радуясь тому, что осталась жива, и тому, что у бабушки горячая вода идет из колонки, а не из водопроводной сети, именно в эти дни проявлявшей себя не с лучшей стороны. При этом я почему-то думала о том, как хорошо будет смотреться стакан у бабушки в буфете. Видимо, приключение в садике не прошло для меня даром.

– Боже мой, – ахнула мама, открывшая мне дверь. – Что с тобой? Ты же вся в грязи.

К маме присоединилась бабушка и в свою очередь воскликнула:

– Посмотри на себя! Как ты выглядишь? Весь плащ в грязи.

Очень своевременное замечание, ничего не скажешь. Осталось только сделать вид, что они своими словами на многое открыли мне глаза, и постараться протиснуться к ванной. Но не тут-то было, из комнаты вышла моя тетка. Впрочем, ей ничего не обломилось: только она раскрыла рот, чтобы высказаться по поводу состояния моего костюма, как я, снимая плащ, закричала:

– Видишь, какая я грязная!

Зоя первая догадалась поинтересоваться, что же со мной случилось. Я всегда знала, что она в нашей семье самая башковитая, докторские диссертации в тридцать лет немногие пишут.

– Да-да... – спохватилась моя мама. – Что же случилось?

– Ничего страшного, – соврала я. – Поскользнулась. Хотела сократить путь и пошла через садик, а там жуткая темень, повсюду камни и какие-то странные типы.

Этого мне уже говорить не следовало, потому что бабушка схватилась за голову, мама – за сердце, а Зоя нервно потирала руки. Более того, после этого они не отправились пить сосуды расширяющие и давление понижающие средства, чтобы успокоиться самим и дать мне возможность привести себя в порядок. Ничего подобного, они самоотверженно остались рядом со мной, чтобы сообщить мне следующее: нельзя в моем возрасте быть такой легкомысленной и блуждать ночью по плохо освещенным местам, можно сломать ногу или свернуть шею.

Я молча застирывала свой плащ и радовалась тому, что сдуру не ляпнула им всей правды. Они бы все с ума посходили и меня бы заодно свели. А потом запретили бы мне вообще выходить на улицу или устроили бы посменное дежурство для проводов меня до работы и торжественных встреч с работы; разумеется, они проигнорировали бы тот факт, что у меня есть в жизни интересы и помимо работы.

Покончив с плащом, я рассталась и с пиджаком – повесила его сушиться перед плитой, чтобы потом на досуге попытаться сковырять с него толстый слой грязи. В результате я осталась в юбке, которая пострадала меньше всего, и в бадлоне, который вообще не пострадал. В этот день намечалось чаепитие, посвященное очередному бабушкиному юбилею. Но точную цифру не называли. Бабушка предпочитала таинственно улыбаться, когда некоторые бестактные личности задавали ей этот бестактный вопрос. Кроме того, она громко смеялась, когда те же личности пытались каким-нибудь образом вычислить год ее рождения. Причем никто не знал, над чем, собственно, потешается бабушка. Во всяком случае, она могла не волноваться – никому еще не удавалось вычислить дату ее рождения. Во-первых, предусмотрительная бабушка Леля никогда и ни под каким видом не называла цифр, кроме школьных отметок своих дочерей и детей, родившихся от этих дочерей. А во-вторых, даже день ее рождения нельзя было определить: из-за каких-то канцелярских ротозеев она по одним документам была записана от второго февраля, а по другим – от второго мая. Имелась еще и метрика с двенадцатым сентября и фамилией, которую бабушка заимела только в замужестве. Бабушка частенько говорила:

– Когда мы с мужем приехали в Берлин, я еще и готовить толком не умела. Пришлось приглашать немку, чтобы она обучила меня всем премудростям кулинарии. До этого даже в эвакуации мы жили с мамой, она и готовила, – мечтательно глядя в потолок, добавляла бабушка.

Вот и гадай дальше, ведь иная дочка живет с матерью вообще всю жизнь.

– Революцию я почти не помню, – признавалась потом бабушка. – Была сущим ребенком в то время, меня даже из дома почти не выпускали. Что я могла видеть из своей комнатки на Пороховых?

Тут поле для размышлений несколько сужалось, вряд ли двенадцатилетний ребенок совсем уж ничего бы не помнил. Значит, во время революции бабушке было не более десяти. Но опять же, какую из революций она имела в виду? Про Гражданскую войну бабушка тоже ничего путного сказать не могла, но уже не по причине младенчества, а потому, что всю жизнь прожила в Петербурге, в военных действиях не участвовала и политикой сроду не интересовалась.

Мужская часть нашей семьи в этот вечер была выражена слабо. Папа пропадал на работе, присутствовал лишь Зоин муж, который жил тут же, так что и деваться ему было некуда. Мой братец переживал очередной взрыв пламенной страсти к какой-то неизвестной девушке и по этому случаю задерживался.

Мы уже съели пирожные с заварным кремом, которые у бабушки были фирменным блюдом, и подобрались к покупному, очень красивому, но, увы, не столь вкусному, как пирожные, тарту. И тут раздался звонок в дверь. Все, кроме Славы, который продолжал смотреть хоккей, как по команде уставились друг на друга, а тетка перестала терзать торт огромным ножом.

– Кто это может быть? – забеспокоилась бабушка, обрадовавшись, что нашелся новый повод для тревоги. – У Васи ведь есть ключи. – Без всякой связи с предыдущей фразой она добавила: – Кто закрыл все форточки? В доме духота, не продохнуть.

– Сейчас узнаю, – сказала рассудительная Зоя и пошла открывать, но не форточки, а дверь. Нож она зачем-то прихватила с собой.

Все, кроме Славы, незамедлительно отправились следом за ней, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного. Кто говорит, что чутье – это так, пустяки? Нас троих оно не подвело. Мы подошли к двери к тому моменту, когда Зоя ее уже отпирала.

– Кто запер дверь на этот замок? – негодовала тетка, возмущаясь с неподатливой железкой. – Он уже три года не работает. И кому пришла в голову мысль накинута цепочку?

– В чем дело? – подала голос бабушка, так как Зоя подозрительно долго копалась с замками.

Я-то знала, в чем тут дело, сама ведь все замочки позакрывала понадежней. Форточки прикрыла тоже я, но о своих заслугах скромно молчала, как и подобает младшей в семье.

– Кто там звонит, Зоя? – поинтересовалась мама, выглядывая из-за бабушкиного плеча.

В этот момент Зоя справилась с последним замком, и дверь распахнулась.

– Ох! – выдохнули мы хором, когда в прихожую ворвался смерч, вернее, пышущий кипятком гейзер, потому что именно его больше всего сейчас напоминал мой братец.

При виде его я смогла приблизительно оценить впечатление, которое я произвела при своем появлении. Правда, я не металась по прихожей, и только благодаря этому с меня не летели во все стороны брызги грязи, как в данном случае с Васи. В общем, братец умудрился заляпать грязью весь пол от прихожей до кухни, куда он сразу же помчался.

– Что случилось? – возрадовалась бабушка и схватилась за сердце. – Ты упал?

– При чем тут это?! – завопил мой братец настолько громко, что его услышал отец.

Оторвавшись от футбола, который сменил хоккей, Слава тоже вышел в прихожую. За это время я успела закрыть дверь, и снова на все замки, больше это никому в голову не приходило. Вечно самой обо всех приходится заботиться!

– Поросенок, – подвел итог Васин папа, оглядев сына с головы до ног. – Ну вылитый поросенок!

– Какой поросенок? – завизжал Вася не своим голосом. – Труп!

При слове «труп» все дружно побледнели и схватились кто за что. Оказалось, что мои родственники на редкость больные люди. Слава, например, держался сразу за живот и за щеку. Так, держась за щеку, и ушел досматривать футбол, предоставив нам самим разбираться с поросятами и трупами.

– Куда ты звонишь? – дрожащим голосом проговорила бабушка. – И при чем тут труп? Как ты вообще себя ведешь? Кто тебя воспитывал?

– Мама, – с укоризной обратилась к ней Зоя, – перестань его шпынять. Он же мальчик.

– Ну и что? – возмутилась я, побуждаемая врожденным и впоследствии гипертрофированным чувством справедливости. – Что за дискриминация? Если мальчик, то может в ботинках по квартире разгуливать? Тебе же потом за ним пол мыть. Он ведь не будет.

– Он и так устает, – вступила в разговор моя мама.

– От чего? – в один голос спросили мы с бабушкой.

На это мама не смогла дать вразумительного ответа. Тут Вася наконец дозвонился, куда хотел, и заорал в трубку.

– Послушайте, приезжайте! Здесь труп валяется, стонет, и кровячки с него натекло море. Адрес? Мама, какой у нас адрес?

– Зачем им? – поинтересовалась выбитая из колеи Зоя.

– Зачем вам? – тут же сказал в трубку Вася, который, что ни говори, был послушным мальчиком. – Труп не у нас, а в садике возле дома. Адрес садика? Нет, давайте, я вам дам лучше наш адрес, потому что садик напротив нас, а номера на нем нет. Нет, я вам говорю, номера. Так и нет, сняли или покрасили. Я вас встречу на улице.

С этими словами он бросил трубку, тут же снова ее схватил, и у него состоялся разговор примерно такого же плана со «Скорой помощью». Затем он отправился встречать милицию, но Зоя встала на пороге.

– Никуда ты не пойдешь, – решительно заявила она.

– Да, – поддержали мы с мамой и бабушкой, становясь рядом с ней. – Не пойдешь, пока не объяснишь, в чем дело.

Зоя явно имела в виду нечто другое, но спорить не стала.

– Я нашел труп, – смирившись с тем, что ему не пробраться через наш кордон, сказал Вася.

– Очень хорошо, – сказала бабушка таким тоном, словно находка трупа – поступок весьма похвальный. – А что дальше?

– Дальше я вызвал милицию и «Скорую». Они вот-вот приедут, а вы меня не пускаете. Немедленно отойдите!

– Во-первых, они так скоро не приедут, а во-вторых, мы их увидим. Поскольку мы живем на первом этаже, мигом выйдем на улицу. Так что нечего и горячку пороть, – заявила ему бабушка. – И пойдем мы все вместе. Не хочу, чтобы мой внук один участвовал в этом.

– Так я и знал! – в отчаянии завопил Вася. – Вам ничего нельзя рассказать, моментально сунете свои носы в дела, которые вас ни капли не касаются.

– А где ты нашел свой труп? – осторожно поинтересовалась я.

– В садике, что напротив нашего дома, где же еще? Решил срезать путь, чтобы не оги-
бать его. Пролез через дырку и споткнулся о труп. Темно, видно плохо, поэтому я сразу и не понял. Только услышал, что он стонет.

– Кто стонет? – встряла в разговор бабушка. – Покойник?

– Ну, он не совсем покойник. А может, уже и покойник... Я когда упал, рукой его задел. Сначала думал, что он пьяный и весь в грязи, поэтому такой мокрый. Потом под фонарем разглядел, что рука у меня вся в крови.

Брат в качестве доказательства сунул нам под нос свою грязную и действительно покрытую чем-то бурым руку. Этого ему делать никак не следовало, потому что моя мама падала в обморок при виде любой крови. Даже от той капли, которую у меня выдавливали из пальца на стеклышко в поликлиниках, она теряла сознание всерьез и надолго; и мне же с моим уколотым пальцем приходилось приводить ее в чувство. Вот и на этот раз она побледнела и приготовилась грохнуться в обморок. К счастью, приходящая в хрущевских квартирах

для этой цели не приспособлена, так что маме удалось лишь вцепиться в Зоину дубленку, висевшую рядом с ней. Петелька у дубленки не выдержала маминого веса и порвалась; мама же снова попыталась упасть в обморок – вместе с дубленкой на заляпанный Васиными башмаками пол. Зое для спасения своего имущества пришлось вцепиться в дубленку, чтобы стряхнуть с нее сестру. От энергичных Зоиних действий мама на удивление быстро пришла в себя и тут же предложила план, который, должно быть, выработала, пока находилась в полубессознательном состоянии.

– Пойдемте все вместе и посмотрим, на месте ли еще труп. А то, если окажется, что трупа там нет и Вася ошибся, хлопот с милицией не миновать.

Что спрашивать с человека, едва не лишившегося чувств? Но где были головы у остальных, когда мы начали дружно надевать плащи и куртки? Даже я, томимая мрачными предчувствиями, оделась. Мама одолжила у бабушки ее коричневое пальто, так как сама ходила в ярко-красном плаще, таинственно мерцавшем в вечернее время. Глядя на маму, и остальные оделись во что потемней. Мне пришлось одолжить куртку у Васи, потому что свой плащ я не надела бы в тот вечер ни за что на свете. Лишь Слава сохранял хладнокровие. Он продолжал сидеть перед телевизором, переключившись на какую-то мыльную оперу, и мы решили его не трогать, полагая, что он таким образом выражает свое недовольство нашей выдумкой. Впоследствии выяснилось, что он просто не слышал наших разговоров.

Покончив с переодеванием, мы спустились по лестнице и встали у подъезда. К тому времени на улице было уже совершенно темно, и вдобавок поднялся сильный ветер и начался дождь.

– Ну, внучок, показывай, куда идти, – распорядилась бабушка. – Не век же нам торчать под собственными окнами.

– Может быть, лучше не идти, – подала я слабый голос, но на меня накнулись все без исключения.

– Как это?! – возмутилась бабушка. – Там человек лежит в грязи, на холоде, а тебе все равно!

– Надо же выяснить, как там дела обстоят у него, – поддержала бабушку мама.

– Чего нам бояться? – спросил Вася.

– Нас много, не убьют же всех, – заметила Зоя.

В последних тетушкиных словах заключалось, конечно же, зерно истины, но у меня мерзкий характер: вместо того чтобы радоваться, я начала думать о том, кого же из нас в таком случае убьют. Хорошо бы не меня и, конечно, не маму и не бабушку. Зою с Васей – тоже не надо. Кто же тогда остается? Тут как раз можно было пожалеть, что Слава остался дома. Все-таки у убийцы, если он все еще околачивается в садике, выбор был бы побогаче. И если бы он оказался джентльменом... Но тут мы как раз пришли.

Местечко было что надо, то есть я хочу сказать, что для убийства оно вполне подходило. Темно, мокро, холодно и грязно. Самая подходящая обстановка.

– Тише, – неожиданно прошипел Вася. – Тетя Таня, вы на него наступите.

– Ой! – подпрыгнула моя мама, которая шла сразу за ним. – Где он? Я не вижу...

– Прямо у вас под ногами, вы стоите на его брючине, – проинформировал Вася.

Мама вздрогнула и, шарахнувшись в сторону, натолкнулась на бабушку.

– Осторожней! – возмутилась та. – Нечего так волноваться. Подумаешь, невидаль. Сейчас приедет милиция и во всем разберется.

Насчет милиции – это она погорячилась. Никакой милицией тут и не пахло.

– У кого-нибудь есть фонарик? – почему-то шепотом спросила я.

Все в растерянности молчали.

– Так я и знала, – заметила бабушка. – Три взрослые женщины – и ни у одной нет головы на плечах.

– Значит, ты захватила фонарик? – обрадовалась мама, быстренько сосчитав всех взрослых женщин. – Давай его сюда.

– Вот еще, – оскорбилась бабушка, – стану я себе голову забивать такими пустяками. Сами выкручивайтесь, как знаете.

– Как же быть в таком случае? – пробормотала мама. – Без света не обойтись.

– У меня есть зажигалка, – сказал Вася и зачем-то добавил: – Американская.

– Так чего же ты ждешь?! Заграница нам поможет! – обрадовалась я. – Доставай ее.

Вася послушно достал из кармана зажигалку и чиркнул ею.

– А откуда у тебя, между прочим, зажигалка? – проявила бдительность бабуля. – Ты что у нас, куришь?

– Ничего я не курю, – защищался Вася. – Просто ношу с собой.

– Мама, прошу тебя, не сейчас, – застонала Зоя.

Пламя зажигалки колебалось на ветру, но мы все-таки увидели, что Вася не шутит и у нас под ногами действительно лежит чье-то тело, а вовсе не ствол дерева, как сказала бабуля. Судя по состоянию изрядно промокшего костюма, тело лежало уже давно.

– Он жив? – поинтересовалась мама и почему-то предложила: – Давайте уйдем.

– Зачем тогда приходили? – проявила настойчивость Зоя. – Предлагаю его осмотреть.

– Вот ты и займись, – обрадовалась мама. – Ты у нас химик, тебе не привыкать возиться со всякими препаратами и анализами. И с почвой ты работаешь постоянно, а он весь в грязи. А я экономист, мне поздно уже переучиваться.

– Не болтай глупости и помоги сестре, – сказала бабушка. – Ты же не хочешь, чтобы дети возились с этим типом. А вдруг он пьян?

– Не похоже, – сказала Зоя, склонившись над телом. – Запаха перегара совсем не чувствуется, может быть, это из-за духов?

– Тогда что же с ним? – изумилась мама, которой просто в голову не приходило, что трезвый человек может валяться в грязи.

Зоя начала переворачивать тело на спину, но тут мимо садика с громким воем промчалась милицмейская машина.

– Это за нами? – обрадовался Вася.

– Не за нами, а за телом, – поправила его бабушка. – Только куда же они?

Милиция и в самом деле не стала задерживаться возле нашего дома, а помчалась куда-то дальше. Зоя тяжело вздохнула, сообразив, что помощи в ближайшие часы не дожидется, и перевернула тело.

– Это девица! – в изумлении воскликнула бабушка, увидев длинные волосы. – Ну и девицы нынче. В мое время девушки себя блюли...

– Она ранена, – перебила Зоя. – У нее вся шея в крови. Видите?!

Услышав про кровь, мама снова начала падать в обморок. Но она стояла позади нас, и мы не обратили на нее внимания, заметили только, когда услышали за спиной.

– Мама! – испугалась я, бросаясь к ней.

– Мое пальто! – испугалась бабушка и тоже бросилась к маме.

– А вот и милиция, – не обращая внимания на нашу возню, заявил Вася и бросился к приближающейся сирене, оставив нас в темноте.

Только трое человек в данной ситуации сохранили спокойствие – находившаяся без сознания мама, Вася и Зоя, которая проявила потрясающую выдержку и силу духа, молча наблюдая, как ее единственное чадо исчезает в темноте, битком набитой злоумышленниками.

В это время Слава закончил просмотр позднего сериала и приготовился немного перекусить. Для этого требовалась женщина, все равно какая. Немного удивленный, что до сих пор никто не предложил ему еще чашку чая и дополнительное угощение, так как торт

бабушка предусмотрительно спрятала в холодильник, он оглянулся по сторонам. В комнате никого не было.

– Ага! – догадался Слава. – Все на кухне!

К его удивлению и разочарованию, на кухне тоже никого не оказалось. Никого, кроме кошки. И даже ужин на плите не грелся.

– Ну что, Пуша? – обратился Слава к кошке. – Где все?

Пуша сладко зевнула и потянулась, давая понять, что ей на все наплевать.

– М-да... – протянул озадаченный Слава. – Что же это такое?

И тут раздался звонок в дверь. Слава бросился открывать в надежде, что за дверью обнаружится его жена или, на худой конец, кто-нибудь еще. Но у порога стоял толстенький и кругленький милиционер.

– Милицию вызывали? – бодро осведомился он. – Что у вас произошло?

Озадаченный Слава отрицательно качал головой и таращился на незваного гостя. Тот сделал выводы и прокомментировал:

– Ложный вызов. А обещали труп.

В голосе милиционера слышалось откровенное разочарование. Слава же, услышав про труп, начал кое-что припоминать.

– Это мой сын, Вася... – пробормотал он нерешительно, так как ничего больше, по сути, не помнил.

– Убит? – оживился милиционер.

– Нет, – испугался Слава. – Но он что-то говорил про труп.

– Можно с ним поговорить? – осведомился милиционер таким тоном, что стало ясно: он никуда с места не двинется, пока ему не позволят допросить по всей строгости неуловимого Васю.

– Пожалуйста, – сказал Слава. – Только его нет дома.

Милиционер сразу же после Славиного «пожалуйста» перешагнул через порог и начал раздеваться.

– Ничего, подождем, – бодро заверил он приунывшего Славу, который понял, что ужин откладывается надолго. Не кормить же этого нахального милиционера!

Вася же, которого с нетерпением поджидали его отец и участковый, тем временем гонялся за милицейской машиной – вместо того чтобы смирно стоять возле дома, она поехала вокруг садика. Вася мчался по рытвинам, уже заполнившимся дождевой водой, и проклинал все на свете.

Мы с Зоей и бабушкой и с двумя бесчувственными телами сидели возле самой сетки и в недоумении следили за ехавшей мимо милицейской машиной с включенной мигалкой, с сиреной. Следом за машиной мчался Вася, который что-то выкрикивал.

– Зачем им сирена? – поинтересовалась бабушка. – И что там твой сын вытворяет? Не пора ли нам самим все утрясти? Ну-ка, бери свою девицу, а мы с Дашей потащим Таню.

– Ее нельзя сдвигать с места, – дружно возмутились мы с Зоей.

– Еще как можно, – вознегодовала бабушка. – Это, в конце концов, моя дочь, и мне видней, что ей можно, а что нет.

– Я говорю про нашу девицу, – пояснила Зоя. – Ее нельзя трогать, чтобы не уничтожить следы. Придется нам с вами еще немного подождать.

Слава же все больше мрачнел. Милиционер проявил удивительную любознательность и желал знать все подробности, которых Слава, к сожалению, не мог вспомнить. Поэтому гость рассердился и уже не скрывал того, что всецело возлагает вину на самого Славу – мол, плохо воспитал сына, если тот позволяет себе шутить подобным образом.

– А где ваша жена?

– Она, понимаете ли, тоже исчезла, – с виноватым видом ответил Слава. – И еще моя теща, сестра жены, и ее дочка. Вообще-то сестра жены с семьей с нами не живет, но сегодня мы собрались, чтобы отпраздновать день рождения тещи, хотя я до сих пор не знаю, когда она родилась, а ведь прожил с женой уже двадцать лет. Но теща сказала, что сегодня, а я спорить не стал, себе дороже.

– Значит, все семейство дружно снялось и посреди семейного праздника куда-то отправилось, а вы один не в курсе? Вас, стало быть, не посвятили? – уточнил милиционер, поджимая губы и глядя по сторонам, видимо, в поисках пятен крови или иных доказательств того, что Слава прикончил разом всех надоевших ему баб, а сына, ставшего свидетелем кровавой расправы, отправил из дома куда-нибудь подальше.

– Получается, что так, – признал очевидный факт Слава.

К счастью для него, в этот момент возле дома остановилась машина и раздался Васин голос, который Слава ни с каким другим бы не спутал и который сейчас показался ему слаще музыки, хотя обычно он не бывал в восторге от воплей сыночка.

– Вася появился, – заявил Слава, обращаясь к участковому.

По виду милиционера было понятно: он не верит Славе, а его слова воспринимает лишь как неуклюжую попытку сбить сыщика со следа.

«Как же, нашел дурака, – подумал милиционер, осторожно пробираясь к окну. – Это тебе не с женщинами воевать, я таких, как ты, десятками ловил».

Слава не знал, о чем думает гость, но все же нервничал – ему очень не понравилась милицейская машина возле подъезда. По его мнению, и одного представителя закона было более чем достаточно. Еще больше его расстроил тот факт, что его единственный сын и наследник отцовского мнения отнюдь не разделяет, а, напротив, очень рад видеть работников правоохранительных органов и в чем-то с горячностью их убеждает. Наконец один из милиционеров вылез из машины и вместе с Васей прошел в подъезд и позвонил в дверь.

– Товарищ майор, – сказал он, когда дверь открылась, – тут парнишка уверяет, что это он звонил нам и что труп на самом деле существует. Там с ним его мать, бабушка и еще какие-то родственницы.

Майор уже устыдился того, что он подозревал ни в чем не повинного Славу, почтенного главу семейства, – ведь на самом деле во всем виноваты женщины. Это они, должно быть, договорились прикончить какую-то свою врагиню, а для маскировки устроили якобы семейный праздник, задушив голову обоим мужикам. Но каков малец! Не моргнув глазом, предал и мать, и бабушку, и еще сестру с теткой! Здорово, должно быть, они ему насолили, если он пошел на это. А может, это отцовское воспитание дало свои плоды? Такие мысли вертелись в голове майора, когда он поспешно спускался вниз по лестнице, а потом шагал следом за Васей.

– Поторопитесь, пожалуйста, – обратился Вася к майору и своему отцу, который после недолгих раздумий решил присоединиться к отряду. – Возможно, ей еще можно помочь.

Толстому майору, наделенному крепкими, но коротенькими ножками, с трудом удавалось поспевать за Васькой – тот, забыв обо всем на свете, мчался вперед, словно молодой олень. Славу же задержали многочисленные замки на дверях; запирая их, он словно исполнял священный ритуал, поэтому выскочил из подъезда с некоторым опозданием.

Пока Васька бегал за подмогой, мы успели сделать массу полезного. Сначала привели в чувство маму, но, к сожалению, ненадолго; едва она вспомнила про кровь, как снова отключилась. Потом Зоя попыталась прощупать у пострадавшей пульс, но пульс не прощупывался. К тому же нам становилось холодно, так как мы уже промокли до костей.

Неожиданно раздался треск ломаемых веток. Затем послышалось шумное пыхтение майора.

– Их там много, – заметила бабушка. – Ну как, это за нами?

Мне ее опасения были не понятны, лично я мечтала, чтобы нас наконец-таки обнаружили и отправили домой – давать показания и принимать горячую ванну. И потом, если это не за нами, то наверняка – наши соседи или люди, живущие в соседних домах. Стыда потом не оберешься, всю жизнь будут припоминать нашей семейке это вечернее сборище с трупом на руках. У компании, которая к нам спешила, имелся мощный фонарь, и это наводило на мысль, что к нам, скорее всего, спешили именно те, кого мы ждали.

– Вот они! – раздался крик, и я без труда узнала Васькин хриплый от постоянных простуд голос.

Майор же увидел неутешительное зрелище – целых два распростертых тела вместо одного.

– Что случилось? – растерялся он.

– Это мы у вас хотели бы узнать, – высокомерно обронила бабушка. – По-моему, ваша прямая обязанность – раскрывать преступления.

– Да-да, – кивнул майор и бросился к моей маме.

– Куда вы? – возмутилась бабушка. – Это моя дочка. С ней все в порядке.

Майор удивился словам пожилой дамы о «порядке», но все же оставил маму в покое.

– Посветите сюда, – сказал он своим подчиненным.

Повинуясь приказу начальника, те начали светить прямо на Зою, склонившуюся над бесчувственным телом.

– Это же Вера! – неожиданно воскликнула бабушка. Все в изумлении таращились на тело. Вера каким-то образом оказалась возле нашего дома, да еще и умудрилась скончаться почти у нас на руках, а ведь жила на другом конце города. На бабушкин день рождения Веру никто и не думал приглашать, все знали, что у нее жуткий характер.

– Ваша знакомая? – обрадовался милиционер.

– Ее лучшая подруга, – кивнула бабушка в сторону Зои.

– Мама, помолчи, – взмолилась моя тетка. – Мы с ней уже сто лет не общались.

Теткино волнение вполне можно было понять, ведь до того, как женщины «сто лет не общались», между ними произошла чудовищная ссора, после которой они и перестали быть лучшими подругами, а стали злейшими врагами. И этот разрыв отнюдь не держался в секрете, а был известен всему Зоиному институту, даже стал на какое-то время единственной темой для разговоров. Всех интересовало, почему это их директор поссорилась со своим заместителем по научной части, а в итоге уволилась не заместитель, то есть моя тетка, а сама директор, то есть хладная ныне Вера.

– Вы бы лучше посмотрели, может, еще можно что-то для нее сделать, – посоветовала я майору.

– «Скорую» вызывали?

– Вызывали, – послышался голос Славы. – Как раз прибыли.

И действительно, этот чудесный человек привел врачей и каким-то образом нашел всех нас.

– Она мертва, – заявил бесстрастный врач, минуту спустя. – Выстрел в голову и в шейный отдел позвоночника. Она мертва уже по меньшей мере с четверть часа.

– Убийство, – помрачнел майор.

– Если вы сможете сказать, как она с нескольких метров попала себе в затылок, то я с удовольствием констатирую самоубийство, – заявил врач.

– Тело можно унести, все равно дождь смыл все следы. И прошу не расходиться, у меня к вам имеются вопросы, – ворчал майор.

Чего еще ожидать от милиции?!

– А что со второй? – поинтересовался врач, только сейчас замечая мою мамочку, удобно устроившуюся у меня на коленях. – Обморок?

Я поразилась – какое профессиональное чутье. Как, скажите, он смог догадаться, что у мамы именно обморок, а, скажем, не приступ радикулита, который скрутил ее в самое неподходящее время? Врач тем временем сунул моей маме под нос ватку, пропитанную какой-то вонючей гадостью, и она мигом пришла в себя.

– Что со мной было? – бодро осведомилась мамуля. – Я ничего не помню. Милиция явилась?

– Явилась, – заверила я ее. – Теперь желает с нами поговорить.

– О чем? – удивилась мама, и в этот момент мимо нее пронесли нашу находку. – Ой, Верка! – воскликнула мама и сделала новую попытку упасть в обморок, но я была начеку и быстро сунула ей под нос чудотворную ватку, благодаря которой мама раздумала падать в обморок и смогла дойти до бабушкиного дома самостоятельно.

Проявляя к нам снисхождение, майор милостиво согласился побеседовать с нами у бабушки дома, а не тащить нас для этой цели в отделение. Дома после чашки горячего чая с оставшимся коньяком нас всех отправили в маленькую комнату, а Зою майор пригласил в гостиную для беседы. Стена между этими двумя комнатами была из фанеры, так что мы слышали каждое слово. Начало было не слишком интересное. Зоино имя, фамилия и место работы – для нас не секрет, поэтому слушали мы невнимательно.

Меня же стали терзать сомнения личного характера. Я не могла решить: говорить милиции о том, что я видела предполагаемого убийцу и даже подверглась его нападению, или не стоит. С одной стороны, сказать надо, потому что так они, по крайней мере, будут знать, кого искать. А с другой стороны, надо было помнить и о слабых нервах моей мамы и бабушки. Таким образом я терзалась до тех пор, пока не услышала из-за стенки, как коротышка майор обвиняет мою горячо любимую тетечку в том, что та пришила Веру. Правда, обвинять он ее принялся после того, как Зоя призналась, что люто возненавидела покойную, потому что покойная здорово подвела ее на работе.

– Она украла мою тему, которую я тщательно разрабатывала и вылизывала для собственной докторской диссертации, и опубликовала результаты моих исследований в одном зарубежном журнале. Просто чудо, что мне в руки попался именно тот номер, и чудо, что именно немецкий язык я знаю, как свой родной. Поэтому мне не составило труда прочесть, что там написано, и понять, что меня нагло обманули. Эта мерзавка даже не потрудилась изменить фамилию, то есть указала свою, и даже ссылки на меня не было. А ведь именно я сделала всю работу, а ей показала только готовые результаты. И главное, мурыжила меня, мол, тема еще сырая и надо еще над ней поработать, прежде чем идти на защиту. Ясное дело, боялась, что найдутся и другие, которые тоже читали статью в том журнале. Как мне после этого к ней относиться? Понятное дело, что я ее ненавидела.

– Настолько, что могли бы убить? – спросил майор, и я поняла, что пора идти спасать тетечку, которая в расстройстве чувств могла еще многое на себя наговорить.

Но, будучи хорошо воспитанной девочкой, я не стала прерывать беседу на столь интересную тему.

– Не только я одна, – невозмутимо заявила Зоя. – Она такой фокус проделала не со мной одной. Выяснилось, что она украла открытия еще нескольких сотрудников и получила за них за границей хорошие деньги – после увольнения, которого мы все-таки добились, она пошла в бизнес. Открыла свою фирму и начала набирать туда перспективных ученых. Контакты с зарубежными партнерами она уже наладила, во всем мире ее знали как одаренного, а главное – разнопланового ученого-агрофизика. Поэтому многие зарубежные фирмы не преминули обратиться именно к ней после того, как она открыла собственное дело – сыграли роль ее выступления в печати. А ведь ее заслуга лишь в том, что она смогла найти хорошего переводчика, который перевел ей мои статьи.

– Вы можете назвать и других пострадавших из-за нее? – любопытно спросил майор.

– Не буду я никого называть, – возмутилась Зоя. – Я же вам всю эту историю рассказала только потому, что о ней весь институт гудел. Ведь вы наверняка пойдете ко мне на работу, чтобы выяснить, что я за человек, так что будет лучше, если я вам сама все расскажу. А имен я вам никаких не назову, потому что не хочу, чтобы вы людей по моей наводке дергали.

Тетя у меня всегда была резковата, а после часа на холоде и под дождем настроение у нее испортилось до такой степени, что даже смерть ненавистной подруги не смогла привести ее в благодушное состояние. Майор понял, что большего в этот день он от тети не добьется, и вызвал следующую жертву. Ею оказалась моя мама.

– Про Веру я ничего плохого сказать не могу, – начала свою исповедь мама. – Знаю я ее уже больше двадцати лет, она еще с моей сестрой в университете училась. Потом они вместе в аспирантуру поступили, поэтому Вера у нас дома часто бывала. Девочкой она была очень миленькой, а вот после замужества сильно изменилась. Стала такой решительной, что меня оторопь брала. А уж после рождения ребенка она и вовсе с ума сошла. Души в нем не чаяла, только им и жила. Но это не мешало ей его третировать. Хотя нет, третировать – не то слово, Вера следила за ним постоянно, уроки они делали вместе, она забирала его из школы и везла к себе на работу. У нее был отдельный кабинет, поэтому они никому не мешали. Обедать тоже ходили вместе и домой уходили вместе. Леша – ровесник моей Даши, поэтому ее всегда приглашали сначала на детские праздники, а потом уже и на юношеские. Но если на детских праздниках присутствие мамы Веры, как мы ее называли, еще не так бросалось в глаза, то потом, когда ребятам исполнилось по шестнадцать, а затем и по двадцать, ее присутствие всех раздражало. Конечно же, и невесту она Лешке подыскивать принялась сама. Любая девушка сына рассматривалась ею в качестве потенциальной невестки. Если та была с сильным характером, то есть со временем могла взять малахольного Лешку под опеку и вывести его тем самым из-под влияния мамы Веры, то такая кандидатура безжалостно выбраковывалась.

Мама села на своего любимого конька, и заставить ее замолчать у майора никак не получалось, пришлось ему стиснуть зубы и слушать.

– Стоило Лешке отправиться на свидание с девушкой, за которой в данный момент мамочка рекомендовала ему ухаживать, как мама Вера тоже накидывала пальто и по пятам преследовала Лешку, прячась за кустами. Так по кустам, по кустам она и добиралась до места свидания и все внимательно протоколировала – все, о чем они говорили. Вроде как вы сейчас.

Майор в смущении хмыкнул – он уже давно оставил надежду поспеть за маминым рассказом и записей не вел, только рисовал на бумаге цветочки.

– Ничего, не смущайтесь, – сказала мама. – У вас же работа такая. А вот если Лешкино свидание должно было проходить не на природе, то мама Вера появлялась вместе с Лешей. Выглядело это так: Леша звонил своей очередной избраннице и приглашал ее в кино. Девушка прихорашивалась и отправлялась, а возле кинотеатра видела Лешу, стоящего вместе с мамой Верой. Дальше Вера полностью брала инициативу в свои руки и решала, куда они сядут и как сын должен себя вести. За мороженым ходил он только после ее слов, звонил своей подруге тоже только после того, как ему Вера напоминала, и в гости к себе звал только тех, кого одобряла его мама. Причем на самом деле ни одна из девушек ему всерьез не нравилась, и он, по-моему, мечтал о женитьбе только для того, чтобы вырваться из-под маменькиного контроля. В общем, и сын, и муж были у Веры под каблуком. Она их держала цепко, все деньги отнимала и сама ими распоряжалась. Наверное, Леше было не по нутру, когда она наряжала его по своему вкусу, а вкус у нее был престранный. Например, ей ничего не стоило приобрести двадцатилетнему парню спортивный костюм цвета яичного желтка, в котором он выглядел как цыпленочек. Или какие-нибудь жуткие ботинки, которые хоть и

из натуральной кожи, но подошли бы разве что пенсионеру. Или пушистую шапку-ушанку, которые носили во времена моей молодости полярники. Помните такие?

– А ваша дочка как относилась к ее сыну? – спросил майор, проигнорировав мамин вопрос.

– Да никак, – беззаботно ответила мама. – Одно время он пытался, разумеется, по совету мамы Веры, за Дашей ухаживать, но даже мне было видно, что к Даше он ничего, кроме дружеских чувств, не испытывает, хотя как-то раз он пришел ко мне и официально попросил руки Даши. Даша его жалела, как всех умом обделенных, и этого не скрывала. Поэтому мама Вера очень быстро решила, что она для Леша не подходит.

– Значит, ваша дочь тоже могла убитую ненавидеть? Она ведь лишила ее выгодного жениха. А после смерти матери сын должен был получить полную свободу, так ведь?

– Так, – подтвердила моя мамочка, не замечая, куда клонит противный майор. – Отец у него хоть и любит выпить, но с сыном у них полное взаимопонимание. Отец не тот человек, который будет чинить препоны собственному сыну, если тот решит жениться, а папе невеста не по душе придется. Он просто постарается не обращать на нее внимания.

– Очень хорошо, – порадовался майор. – Больше вас не задерживаю. Позовите вашу бабушку.

Бабушка же заявила, что Леша – самый близкий друг ее внучки и дружат детки с самого младенчества.

– Как мать Вера была на высоте. А вот как подруга оставляла желать лучшего, слишком эгоистична оказалась. Зоя из-за нее все глаза выплакала, она такого предательства от лучшей подруги не ожидала. Она бы поняла и простила, если бы та увела у нее из-под носа ее мужа, потому как мне лично он никогда особо не нравился, а вот работа для моей младшей дочки – это святое. Поэтому Зое было вдвойне больно. И эта особа еще в друзья семьи набивалась!

Тут бабушкины воспоминания, которым она предавалась с огромным удовольствием, на мгновение прервались, а потом она переключилась на наше с Лешей безоблачное детство.

– Едем, бывало, а они у нас в колясочках сидят и друг к другу тянутся, – с умилением говорила бабушка, пользуясь тем, что нашла подходящего слушателя. – Такие миленькие! Леша в Даше души не чаял. Он только с ней и дружил. Хороший мальчик, не хулиган, мать за ним следила, поэтому и вырос порядочным человеком. Дачу мы снимали в одном месте, поэтому все лето дети вместе играли, и мы на них нарадоваться не могли.

Я подивилась тому, что моя бабушка помнит обо мне такие вещи, которые я сама и помнить-то никогда не помнила. И зачем ей потребовалось вытаскивать на свет божий то, что в годовалом возрасте мы с Лешей играли в одной песочнице, а они с его мамой на нас умиленно глазели? И что с того, что мы снимали дачу в одном месте? Просто ехать туда было удобно, и вообще это было дачное место, там многие снимали дачи на лето.

– Я лично всегда считала, что Даше на роду написано выйти замуж за Лешу. Он, конечно, звезд с неба не хватал, но у моей внучки голова за двоих варит, – польстила мне бабушка.

На самом деле в голове у меня не настолько богато, чтобы еще и за Лешу все жизнь думать. На двоих моих мозгов никак не хватило бы. Это бабушка зря надеялась. Но даже со своими мозгами я сообразила, что мне не избежать рассказа о моем сегодняшнем приключении, когда в меня палили из пистолета с глушителем – ведь надо было помочь следствию, которое в противном случае забуксовало бы: нас с тетей считали бы самыми подходящими подозреваемыми. Насчет тети не знаю, может, она втихаря и придушила Верку под видом оказания той первой медицинской помощи, а вот за себя я твердо могла поручиться. Для того чтобы воссоединиться с Лешей, я и комара бы поленилась убить. А к маме Вере всегда относилась по-дружески, жалела ее из-за того, что у нее такой сынок.

Поэтому, когда пришла моя очередь давать показания, я не стала ничего скрывать от изрядно к тому времени осунувшегося и побледневшего майора и сразу же выложила ему все начистоту про подонка с пистолетом. Не утаила ничего! Мои родственнички могли смело падать в обмороки и отправляться за «неотложкой». Поводов у них для этого накопилось предостаточно.

– Так-так, – многозначительно пробормотал майор, и я с ужасом поняла, что он не верит ни одному моему слову и считает киллера моей личной выдумкой, к тому же очень неловкой и наспех слепленной – для того, чтобы отвести подозрения от себя и своих родственников. – Значит, вас преследовал смуглый парень с азиатскими чертами лица и с раскосыми глазами? Он был в серой куртке и джинсах?

Как только майор произнес слова «серая куртка», я похолодела, потому что совершенно точно вспомнила, что никакой серой куртки на парне не было, а была черная джинсовая. И почему я такая рассеянная?! Угораздило же меня вспомнить про свой красивый серо-стальной плащ именно в ту минуту, когда я описывала преступника. Как теперь быть? По лицу противного майора и так разливается откровенное недоверие, а если я еще сейчас начну путаться в показаниях, так он и вовсе мне не поверит. Да и что толку? Все равно парень уже сто раз переоделся. Поэтому я только кивнула и стала слушать майора, продолжавшего разглагольствовать:

– И этот парень палил в вас из пистолета с глушителем, но ни разу не попал даже в полу вашего пальто? А потом, расстроившись из-за того, что упустил вас, он решил отыгаться на первой попавшейся особе, и ею, конечно же, по недоразумению, оказалась бывшая подруга вашей тети, на которую вся ваша семья имеет зуб. – Майор мерзко ухмылялся.

– Во-первых, на мне было не пальто, а плащ, который сейчас в стирке из-за того, что я была вынуждена ползком убираться от того придурка с пистолетом, – заявила я. – Во-вторых, я очень старалась, чтобы он в меня не попал. И в-третьих, ни у кого из нас нет пистолетов или тем более автоматов. А если я не ослышалась, то врач сказал, что тетю Веру именно застрелили.

Закончив свою речь, я с торжеством посмотрела на майора, ожидая увидеть его полностью сраженным моими железными доводами. Но он что-то не торопился сражаться ими и, перестав ухмыляться, сказал:

– Пистолет вы могли выбросить где-нибудь в садике, плащ нарочно вымазали, а рассказ ваш выглядит в высшей степени неправдоподобно.

– Да поймите вы, этот парень вполне мог перепутать нас с тетей Верой. Было уже темно, а на нас почти одинаковые светлые плащи и прически похожие.

– Но почему для того, чтобы ее прикончить, киллер выбрал именно этот садик, который возле вашего дома. И как, в конце концов, ему удалось заманить туда вашу знакомую? – не успокаивался майор.

Это было слабым звеном в цепи моих рассуждений, и я в растерянности молчала. От необходимости что-либо объяснять меня спасло появление мамы, бабушки и Зои, следовавшей за ними с видом агнца, ведомого на заклание. Они смели все кордоны и воскликнули:

– Так в тебя тоже стреляли?!

После их слов мне стало совершенно понятно: они прекрасно слышали наш с майором разговор. Оставалось только удивляться, что у них хватило терпения усидеть в комнате и дослушать мои откровения до конца – ведь могли примчаться сразу же.

– Если моя дочь говорит, что в нее стреляли, значит, так оно и было, – решительно заявила мама.

– Но нет никаких следов, – возразил ей майор.

– А какие следы вам нужны? – повысила голос мама. – Пуля в голове, как у Веры? Этого вы ждете?

– Немедленно обеспечьте Даше охрану, – потребовала бабушка, и майор совсем сник. – Вы что, не соображаете, что преступник теперь примется за нее, так как только она может его опознать?

Тут уж сник не только майор. После бабулиного замечания я и сама закручинилась, осознав, что моя жизнь еще далеко не в безопасности: стоит мне выйти за порог – и на меня и в самом деле набросится тот псих. Допустим, его приметы я сообщила милиции, и этого ему уже не изменить. Но если нет живого свидетеля (то есть меня), то и опознания не состоится. А мало ли в городе найдется парней с внешностью, подходящей под мое описание? Если он меня обезвредит и обеспечит себе хоть какое-то алиби, ему нечего опасаться. Я загрустила и с надеждой посмотрела на Зою как на самого здравомыслящего человека. Увы, и она меня не порадовала. Лицо у нее было изрядно вытянувшееся.

Майор тем временем начал отступление – направился к входной двери.

– С остальными я поговорю уже в участке, – сказал он, пытаюсь найти среди разнокалиберной обуви, которую бабушка заботливо выстраивала в прихожей, свою пару ботинок.

– Так как же с охраной? – напомнила бабушка.

Майор поежился и попытался влезть обеими ногами в старый Васькин кед.

– Охрана, говорю, будет? – повторила бабушка немного громче, решив, видимо, что майор еще и глуховат вдобавок к тому, что плохо видит.

Майор оставил попытки умыкнуть Васькину обувь и снова приступил к розыскам своих ботинок, которые бабушка предусмотрительно спрятала в шкафчик, где хранились раритеты нашей обувной промышленности.

– Ничего не пойму, – пробормотал майор.

– Чего тут не понять? – спросила бабушка. – Дайте парочку ваших парней, и дело с концом.

Майор обвел взглядом прихожую, и тут его осенило – он полез в шкафчик. Увидев свои ботинки, он обрел былую уверенность.

– Никаких парней я не дам! – рявкнул он. Рявкнул почему-то на меня. – У меня лишних людей нет. Все делом заняты.

Мама с бабушкой открыли было рты, чтобы сообщить ему, что самое насущное и необходимое для него дело – защита жизни всех граждан вообще и моей в частности, но майор не стал дожидаться продолжения и слинял.

– И что нам теперь делать? – в растерянности спросила мама, когда дверь с грохотом захлопнулась. – Зоя, может быть, Слава посоветует?

– Лучше его не трогать, – посоветовала любящая супруга. – Пока ему объяснишь, он уснет и все равно все забудет.

– Точно, справимся своими силами, – подала голос бабушка. – Я на пенсии, поэтому могу целый день посвятить моей единственной внучке. Таня может взять вторую смену и утром будет свободна, а Вася свободен от занятий по вечерам. Дашин папа тоже сможет найти несколько часов, чтобы встретить или, наоборот, проводить Дашу до работы.

Начинали сбываться мои самые ужасные опасения.

– Мамуленька! Бабуленька! – взмолилась я. – Ну что вы говорите? Какая от вас защита? Своим телом вы меня будете закрывать от пуль того типа? Это же нелепо! Если он захочет меня пристрелить, то вы ему не сможете помешать. Максимум – это вы сможете запомнить его приметы, но ведь мы их и так знаем, так стоит ли рисковать?

Судя по выражениям их лиц, они были твердо уверены в том, что стоит.

– Я против, – решительно заявила я, – учтите это. И к тому же я плохо представляю себе... механику процесса. Мы с мамой и папой живем в другом месте. Как бабушка сможет каждое утро добираться до нас, чтобы проводить меня до остановки?

– Не надо утрировать, – возмутилась бабушка. – Утром тебя могут проводить и родители. И почему только до остановки? А что – в метро или в автобусе нельзя устроить несчастный случай? Я сама в транспорте сто раз попадала в несчастные случаи. Положим, живу я значительно дальше всех вас, но это лишний раз доказывает, что несчастья на транспорте случаются.

– У меня есть еще и свои дела после работы, – заметила я. – Не могу же я тащиться на свидание с бабушкой? После этого смело можно будет поставить крест на моей личной жизни. И чем ей заняться, пока мы будем сидеть в баре? Бабушка, ты пьешь martini?

– Ради тебя я и не такое выпью, – мужественно согласилась бабушка.

Я была обречена. Однако оставалась надежда на папу, который трезвым мужским умом оценит ситуацию и запретит такие радикальные методы по отношению ко мне. К сожалению, папа пошел на поводу у своих чувств и сам вызвался провожать меня на свидания.

– Славно повеселимся! – заговорщически подмигнул он мне. – Давненько мы с тобой по значным местам не шастали.

– Папа! – простонала я. – Ну разве ты сам не понимаешь, что будешь мешать? Я-то тебя очень люблю, но нельзя же требовать того же и от моих поклонников. Они же придут на свидание со мной, а не с нами обоими.

В итоге был выработан промежуточный план: мне возбранялось возвращаться домой после наступления темноты и вообще выходить на улицу одной или с кем бы то ни было, если этот кто-то по меньшей мере не Добрыня Никитич в полном боевом снаряжении. Вместо этого мне предписывалось утром отправляться из дома вместе с папой, а возвращаться обратно либо с мамой и Васей, либо с Зоей и бабушкой. Оставалось только придумать, как быть с работой. Папин рабочий день начинался в восемь утра, а мой только в десять.

– Ничего, – утешила меня мама. – Сделаешь вид, что у тебя наконец-то появилось рвение. У вас в офисе ведь есть охрана? Ты ее предупреди, чтобы присматривались ко всем подозрительным типам, которые тебя будут спрашивать.

Я не стала ее информировать о том, что в этом случае большинство моих посетителей будет подвергаться пристальному осмотру, так как я работала в фирме «Элана», в которой занимались главным образом тем, что выводили из запоев хронических алкоголиков. Некоторых приводили родные, а некоторые приходили сами, и среди них попадались весьма колоритные фигуры, внимание охранников им было обеспечено. Мама о специфике нашего заведения не знала, мне в разговорах с ней как-то удавалось обходить этот вопрос.

Утро следующего дня я встретила у себя на работе. То есть, по идее, я должна была его встретить значительно раньше, но как-то мы с ним разминулись, и оно прошло мимо меня. Дело было в том, что вставать в такую рань с непривычки было трудновато, и я впала в состояние транса, в котором могла ходить, есть и умываться, но абсолютно ничего в моей памяти не сохранялось. Только оказавшись у себя за столом, я стала кое-что соображать. До этого времени ответственность за меня полностью лежала на папе.

Мой папа – человек в высшей степени рассеянный, он постоянно забывает в транспорте перчатки, сумки с завтраками, книги, береты и один раз даже забыл чертеж горно-обогатительного комплекса, над которым в течение месяца трудилась целая группа его сотрудников. Поэтому возникали опасения – не потерял ли по пути и меня, увлекшись последним номером журнала «Звезда»? Но факт оставался фактом: я была жива и находилась на своем рабочем месте под охраной трех крепеньких мужичков. То ли папа оказался таким хорошим сторожем, то ли время для покушения на меня убийца счел не слишком подходящим, но я была жива и здорова. Надолго ли?

Рабочий день прошел как обычно. Никаких кареглазых красавцев с пистолетом за пазухой я не видела. Шли почтенные матери семейств со своими горе-мужьями и потрепанные деятели сцены, которым срочно надо было отправляться на гастроли, а они лыка не вязали

и без моей помощи обойтись никак не могли. Часам к шести я увидела, как ко мне безуспешно пытается прорваться Васька. Со своими тремя массивными серьгами в одном ухе и двумя поменьше в другом, со стрижкой под какую-то футбольную знаменитость, с прыщавой физиономией вкупе с кожаной курткой он показался охранникам вполне подходящим для задержания. Я их еще с утра предупредила, чтобы всех неалкоголиков, которые будут рваться ко мне, они тщательнейшим образом обыскивали. Вася на хроника никак не тянул, за что и поплатился. Его остановили и начали обыскивать. Пришлось мне вмешаться.

– Ну, у вас и обезьяны работают! – восхитился мой братец, когда мы с ним вышли из офиса. – Они меня чуть не до трусов раздели. Если бы не ты, то вообще не знаю, что бы со мной было.

– Тебе не мешало бы кое-чему у них поучиться, – рассеянно заметила я ему, намекая на то, что он тут не просто так прохлаждается, ему семейным советом поручено ответственное дело.

Кроме того, я прикидывала: удастся ли мне совратить Васю, то есть согласится ли он зайти со мной в несколько магазинчиков? Приближался июнь, а вместе с ним – многочисленные дни рождения моих родственников и знакомых. Какое-то совершенно несуразное количество. Про июнь я начинаю с ужасом вспоминать уже в начале зимы, другие люди с нетерпением ждут прихода лета, а я с тоской вспоминаю, что придется (разумеется, в последний день) таскаться по магазинам, лихорадочно совмещая цены, потребности и желания. Причем, покупая приглянувшуюся мне вещь, я твердо уверена: у новорожденного при виде моего подарка челюсть отвиснет и он долго потом будет гадать, издеваюсь я над ним или просто такая дура. Поэтому мне был необходим совет, а лучше – сразу несколько. Вася для этой цели подходил ничуть не хуже, чем кто-либо другой. К тому же я все равно бы поступила по-своему, но у меня было бы оправдание перед именинниками – мол, я пыталась прикупить что-нибудь, что пришлось бы им по сердцу, и даже консультанта для этой цели пригласила.

– Вася, – нерешительно начала я, – ты ведь хотел купить себе футболку к лету?

– Денег нет, – пробурчал Вася.

– Но давай хотя бы присмотрим, – предложила я. – Я тут знаю рядом несколько подходящих магазинчиков и один рынок.

– Тебе же надо домой, – настаивал Вася.

Почему именно сейчас его обуяло желание быть послушным? Почему так некстати?!

– Брось, – тоном профессионального змия-искусителя проговорила я. – Ничего с нами не случится. И потом... ты же будешь со мной.

Ваську я уговорила, он признался, что ему надо позвонить в одно место и сказать, что задержится. После этого мы купили мороженое и отправились по магазинчикам. Я быстро накупила несколько совершенно ненужных вещей, которые обычно принято дарить к юбилеям, и мы переключились на Васькину футболку. Найти ее оказалось делом трудоемким. Никогда бы не предположила, что наш город может быть так беден госящими для Васи изделиями из трикотажа.

– Это не то, – неизменно отвечал Вася. – Она должна быть белой.

На мое робкое замечание, что мы видели уже без малого две сотни футболок и среди них – множество белых, он ответил, что трикотаж не того качества и рисунок выполнен красками, которые смоются в водопровод после первой же стирки. Сумка с подарками уже изрядно оттянула мне руку, и я предложила Васе одному поискать футболку, сама же хотела посидеть в кафе и выкурить сигаретку. Васька охотно согласился и исчез в бесконечных рядах, где толклись без малого несколько тысяч человек.

А я осталась. Как ни странно, я чувствовала себя в полной безопасности. Народу вокруг была тьма, мне же казалось, что для убийства нужна интимная обстановка. Все

должно быть обставлено романтично и не привлекать постороннего взгляда. Оказалось, что я ошибалась. Убедилась я в этом в тот момент, когда из-под меня вышибли стул и я вместе со своими подарками полетела на асфальт, покрытый еще очень весенней грязью.

– Черт! – только и успела возмутиться я, услышав характерный звук бьющегося стекла.

Мне сразу вспомнилось, что среди моих подарков была и симпатичная подставка для кактусов. И хотя продавец уверял меня с пеной у рта, что это пепельница, но я-то твердо знала, каков ее истинное предназначение, и ввести себя в заблуждение не позволила. Но наши разногласия с продавцом теперь уже не имели значения, потому что чертова вещица была сделана из тонкого стекла, которое вместе с нанесенными на него белыми разводами разлетелось вдребезги при моем падении. Этот факт и заставил меня вспомнить про того коварного типа, из-за которого я лишилась своего лучшего трофея.

Оторвавшись от земли, я повертела головой, ожидая увидеть злоумышленника. К моему удивлению, их оказалось двое. Стул из-под меня вышибла моя тетка, я всегда догадывалась, что она против меня что-то имеет, но не думала, что докатится до такого мелкого вредительства; а вторым оказалась моя мамочка, которая сейчас громадными для своего роста прыжками мчалась прочь от нас сквозь толпу. Разинув рот, я наблюдала за выкрутасами своих родственниц – для одной из них я всего несколько минут назад приобрела подарок.

– Лежи, – распорядилась тетка, оставшись стоять рядом мной. – А где Васька?

– За футболкой пошел, – сообщила я.

– Вот мерзавец, – помрачнела тетка. – А твоя мать так и сказала, что вы во что-нибудь вляпаетесь, поэтому мы за вами и отправились.

После падения я плохо соображала, но твердо знала: вляпалась я в чей-то недоеденный гамбургер, обильно сдобренный кетчупом и горчицей. Моему плащу это, безусловно, на пользу не пошло, но после вчерашнего моего ползания на животе нынешнее падение следовало считать удачей. Тут вернулся Васька и с удивлением уставился на меня. Потом посмотрел на свою мать, бдительно следящую, чтобы я не шевелилась.

– Что это у вас здесь? – задал братец вполне своевременный вопрос.

– Что у нас?! – взвилась тетка. – Дашу чуть не убили!

Я хотела сказать, что она сильно преувеличивает, потому что убиться, упав с высоты стула, на котором я сидела, невозможно, если только падать не на минное поле. Но тетка продолжала:

– Я сама в последний момент вышибла стул из-под нее. Тот уже небось прицеливался как бы половчей попасть.

– Куда попасть? – спросила я.

– В тебя, конечно! – завопила тетка. – Зачем ты отправилась на рынок? Тут же полно всякого сброда и дикая толчея, в которой очень удобно кого-нибудь прикончить. Он за соседний столик уселся и пистолет прикрыл полой куртки. Я такое сто раз в фильмах видела. А перед этим, должно быть, следил за вами от самой работы. Иначе с чего бы ему тут оказаться? На случайность такая встреча не похожа. Неужели вы ничего не видели?

Но в это время вернулась моя слегка запыхавшаяся мама и разрешила мне подняться с асфальта. Осушив одним махом стакан минералки, она выдохнула:

– Представляете, я его не догнала!

Мы хором заметили, что ничего удивительного в этом нет, наоборот, было бы странно, если бы она догнала длинноногого и тренированного парня.

– Ты цела? – наконец-то вспомнил про меня Васька.

– Цела, – успокоила я его. – Он же не успел выстрелить. Только подарок разбился. Придется снова идти к тому противному продавцу.

– И думать не смей! – хором закричали мои родственники.

Противиться грубой силе я не могла, и они потащили меня и уцелевшие подарки домой, по пути объясняя, что просто чудом успели предотвратить преступление. Хорошо, что Вася догадался позвонить своей маме на работу и сообщить о предстоящей экскурсии. Они сразу же созвонились и примчались, потому что чувствовали: убийца тоже здесь появится. Он и появился, а они его спугнули и тем меня спасли.

Спасибо, конечно, но особого смысла я в этом не видела, так как по пути домой меня терзал вопрос: откуда убийца мог знать, где я работаю? Предположим, он проследил за мной утром от моего дома, но тогда выходило, что мой домашний адрес он тоже прекрасно знал. Это меня совсем расстроило. В таком случае получалось, что он и вчера вертелся где-то поблизости от бабушкиного дома и навел обо мне и, должно быть, обо всех нас справки. Только у кого он их наводил? Так как я его видела вчера впервые в жизни, логично было предположить, что и он со мной знаком не был. Откуда же он мог знать, где меня искать? Что это еще за общие знакомые выискались на мою голову? А если бы мои мама и тетя были не столь бдительны, то все вообще могло закончиться для меня так же быстро, как и для бедной тети Веры.

– Как там Леша? – поинтересовалась я по пути. – Переживает сильно?

– После визита к нему нашего майора он не столько переживает, сколько пребывает в бешенстве, – поделилась со мной тетка. – Твердит, что его никогда еще так не оскорбляли. И переводит стрелки на нашу семью и деловых знакомых своей мамы.

– А с ними что? – снова заинтересовалась я.

Леша в качестве вероятного заказчика убийства собственной матери. Такое не укладывалось у меня в голове, хотя бы в силу того, что в долг в подобной ситуации ему никто бы не поверил, а наличных у Леши никогда не было. Он все до копейки отдавал матери. А вот деловые знакомые тети Веры – достаточно обеспеченные люди, вполне могли бы в складчину или даже не в складчину нанять убийцу.

– Верка обладала удивительной способностью вредить людям, которые с ней имели дело. У нее просто мания какая-то с годами выработалась, – продолжала тетя. – Мне рассказывали: как только предоставлялась возможность, она кого-нибудь подставляла и делала это так ловко, что обманутые долго не догадывались о том, что их надули. Я этому не удивлялась, помнила о том, как она поступила со мной. И меня не удивляет, что нашелся человек, который не пожелал спустить обиду на тормозах. Не все же с ней дружили с университетской скамьи.

Я задумалась. По словам моей тетки, выходило, что самым вероятным подозреваемым должен быть кто-то из деловых знакомых Веры. Но меня продолжал терзать вопрос: как тот узкоглазый киллер узнал мой адрес? Может, он подстерегал именно меня, а тетю Веру прикончил, приняв ее за меня? Вообще-то теперь это было уже не столь существенно, так как теперь убийца твердо решил прикончить меня, видимо, за неимением других клиентов. Ситуация складывалась удручающая. Вдобавок в милиции нам в очередной раз не поверили. И никакой охраны, естественно, тоже не прислали, только посоветовали не высовываться из дома и посторонних к себе не пускать.

– Придется тебе взять на работе отпуск, – констатировала мама, повесив трубку, и горестно посмотрела на меня – словно не верила, что мне его дадут.

– Какие проблемы? – бодро воскликнула я, хотя перспектива провести свой отпуск в четырех стенах меня не вдохновляла. – Сейчас же звоню.

Позвонила я, разумеется, только на следующий день, и на работе моей просьбе не обрадовались, наоборот, директор намекнул, что намечается сокращение штатов, и выразительно замолчал. Пришлось спешно выдумывать какую-то престарелую родственницу в Тюмени, которая внезапно решила отдать концы и требует меня к себе для подписания завещания и ухода за ней. А так как старушка баснословно богата и к тому же обещает долго не тянуть

со своей кончиной – и врачи это подтверждают, – то спорить с ней просто глупо. Все это я сообщила недовольно сопящему в трубку директору, и мне был выделен отпуск сроком на две недели и за свой счет.

– Надеюсь, что за это время твоя бабка скопытится, – так выразился этот черствый человек, и я начала всерьез подумывать об увольнении по собственному желанию – кому охота работать на такого типа?

Итак, оказавшись свободным от всех обязательств человеком, я сделала удручившее меня открытие: когда тебе абсолютно нечем заняться, начинаешь просто беситься от скуки. Казалось бы: если весь день заполнен какими-то делами, то только и мечтаешь о том сладком мгновении, когда сможешь завалиться на диван, взять в руки книгу или бутерброд или просто закрыть глаза и вытянуть ноги. А когда предоставляется такая возможность делать это в течение двадцати четырех часов, тоска одолевает.

Промучавшись от вынужденного безделья два дня, распоров три пары старых джинсов и перестирав все, что имелось в доме, включая залежи тряпья в чулане, я почувствовала, что просто не в состоянии вести затворнический образ жизни. Не готова я еще! Это озарение пришло ко мне в час дня, и я поняла, что просто взорвусь, если еще раз переставлю мебель в доме. Мыть потолок у меня рука не поднималась, так как он был совсем недавно побелен, а стены и кафель просто сверкали чистотой. Готовить обед смысла не было – всего наготовили на неделю вперед. Более того, испеченный накануне пирог грозил зачерстветь, а одной мне его не одолеть; мама же сидела на диете, а папа сладкое ел только раз в два месяца, правда, съедал он сладостей гору, но только, повторяю, раз в два месяца. Мой пирог с медом, орехами, цукатами и свежими фруктами выпадал из его графика, и папа куска в рот не взял.

– Надо кого-нибудь позвать в гости, – слоняясь в тоске по квартире, решила я и тут же бросилась к телефону. – В милиции не упоминали о том, что надо сидеть под домашним арестом, – убеждала я себя. – Они только говорили о посторонних. А кто же зовет в гости посторонних? Зовут друзей, подруг, родственников или, на худой конец, просто знакомых.

К тому времени, как я набрала первый номер, мне удалось внушить себе, что я чуть ли не выполняю рекомендации правоохранительных органов. К сожалению, почти все, кому я звонила, были на работе и обещали прийти только к вечеру, на следующий день или даже на следующей недельке. Ни то, ни другое, ни третье меня не устраивало. Гость требовался незамедлительно и без всяких отсрочек. И тут очень вовремя позвонила Инна.

Инна была своего рода уникалом. Она никогда и нигде не работала дольше двух месяцев, причем соблюдала между своими работами полугодовой интервал, который, по ее словам, был ей совершенно необходим, чтобы привести свои нервы и здоровье в порядок. На какие средства жила она в безработные месяцы – это для меня оставалось загадкой, ведь, даже работая, Инна испытывала жесточайшие финансовые муки. А вот безработная почему-то ни в чем себе не отказывала. Свою профессию Инка держала в тайне, оставалось только подозревать самое нехорошее. Однако среди ее знакомых – никто из них у нее на ночь не оставался – попадались люди самые разнообразные, начиная от музыкантов и кончая отпетыми бандитами и хирургами, на рожах которых было ясно указано число отправленных на тот свет клиентов.

Жила она со сводной сестрой, которая ходила в начальную школу, и с собакой, которая ходила только гулять. Сестра переехала жить к Инке после того, как умер ее отец, а следом за ним – и их общая с Инной мать. Отец Инны исчез в голубых далах много лет назад и с тех пор на глаза не показывался и знать о себе не давал. Особой привязанности между сестрами не было, Инка сестру третировала, а сестра была стекла в школе, рвала одежду свою и своих одноклассников, за что Инке волей или неволей приходилось платить, что теплых чувств к сестре не прибавляло. Инка, на мое счастье, была свободна и выразила готовность прийти в

гости, из чего я заключила: она бросила очередную работу совсем недавно и еще не успела поправить свое материальное положение.

Буквально через четверть часа раздался звонок, и ввалилась Инка вместе со своей Люсей – рыжим сеттером с облезшим после зимы хвостом.

– Ехала к тебе на маршрутке, пришлось отдать последние пять рублей за себя, а Люсю пустили в долг. Обрато пойду пешком, если только ты мне не одолжишь пару десятков, – заявила она вместо приветствия.

– А зачем ты Люсю с собой потащила? – поинтересовалась я. – Оставила бы ее дома, сестре было бы не так одиноко после школы.

– Дома есть абсолютно нечего, – призналась Инна. – Сестру покормят в школе, а кто покормит Люсю?

Я поразмыслила и пришла к выводу: пожалуй, этим человеком окажусь я. Придя к такому выводу, я воодушевилась и выставила перед гостями полный обед, который венчал мой злосчастный пирог, не получивший в моей семье должного признания. Зато Люсе он пришелся по вкусу. Постный борщ она тоже умяла, даже не намекнув, что мяса в нем мало-вато. На второе, которое мы съели после торта, были котлеты и картофельный салат с майонезом – он в нас влезал уже с трудом.

– Ну, и что у тебя случилось? – поинтересовалась Инка, которой я уже успела по телефону пожаловаться, что у меня проблемы. – Парень бросил?

На ее физиономии появилась презрительная мина, и я с таким же презрением покачала головой. Подумаешь, парень бросил! Да об этом можно было бы только мечтать! От сердечных ран никто не умирает, а вот от пулевых ранений – еще как.

– Тогда что? – слопав какую-то витаминную капсулу (она всегда бережно относилась к своему здоровью), спросила Инна.

– Меня два раза пытались убить! – произнесла я свистящим шепотом, от которого в тревоге поднялись Люсины уши.

– Врешь! – Инка уронила на пол последний кусок пирога. Причем в ее голосе послышалось такое восхищение, что я поневоле загордилась. – Где?

– В детском садике, – сообщила я. – Вернее, не в самом садике, а на его территории. После того, как все разошлись по домам.

– А тебя туда зачем потянуло? – поинтересовалась Инка.

– Ну, ты же знаешь, что он стоит между остановкой автобуса и бабушкиным домом. Мы же с тобой сто раз ко мне после школы заходили, а потом я тебя до автобуса провожала, если ты хотела проехать пару остановок до Аньки. Помнишь, мы всегда шли через садик? Там даже специально дырка была сделана и тропинка протоптана.

– Так это случилось в том садике, в который ходил почти весь наш класс и вообще половина школы? – почему-то обрадовалась Инка. – И что же случилось?

Я подробно рассказала ей, что случилось, уделив особое внимание описанию убийцы.

– А я этого типа видела, – заявила Инка. – Он несколько дней назад возле моего дома проходил, когда я с собакой гуляла. Мы с ним даже немного поговорили. Он сказал, что работает в ресторане официантом. Знаешь этот грузинский ресторанчик, который через дорогу? Вот он там и работает. Меня приглашал зайти, зовут его Эдик. Это тот самый?

– Не знаю, он мне не представился, – съехидничала я, прикидывая про себя: как полочей и побыстрей натравить на этого Эдика милицию. – А ты могла бы мне его изобразить на бумаге?

Инка рисовала вполне прилично и, хотя нигде специально не училась, могла при желании изобразить на бумаге нечто, имеющее сходство с оригиналом. Я дала ей альбомный лист, несколько карандашей и приготовилась ждать. Через десять минут Инка выдохнула и протянула мне свое произведение.

– Вроде похож, – с некоторым сомнением признала я, не зная, чему приписать имеющиеся несоответствия.

– А можно пойти и посмотреть, чтобы знать точно, – предложила Инна.

– Я не могу выйти из дома, – призналась я. – И потом... Вдруг это не он? Или он, но сейчас как раз не в ресторане, а на своей основной работе... Что ему помешает в меня выстрелить, если я высунусь из дома?

– Тогда я могу пойти в ресторан и посмотреть, работает ли он. Если да, то я его сфотографирую, проявлю пленку, напечатаю фотографии и принесу тебе. Фотоаппарат у тебя есть?

– Есть, – ошеломленная ее натиском, призналась я. – «Кодак».

– Вот и отлично! – обрадовалась Инка. – А пленка в нем есть?

Я притащила фотоаппарат, и мы вместе выяснили, что пленка в нем есть и на ней осталось еще восемь кадров.

– Больше и не требуется. Вряд ли мне удастся уговорить его позировать, скорее, придется фотографировать его тайком. Потом я пойду в проявку, а потом буду ждать, когда напечатают. Поэтому меньше чем за четыре часа вряд ли управлюсь. Люсю я оставляю тебе. Готовь ужин.

С этими словами Инка испарилась, я едва успела всучить ей деньги. Однако Инка вернулась значительно раньше, чем я успела приготовить ужин. Причем вернулась с видом триумфатора.

– Удалось! – проинформировала она меня. – Он как раз вышел на улицу, в ларек за сигаретами. Тут я его и щелкнула первые три раза. Потом поднялась за ним наверх и спряталась за стойкой. Дождалась, когда он подойдет к столику у окна, и щелкнула еще пару раз. А потом уже не стала дожидаться лучшего и сфотографировала его просто так, на авось.

– Где фотографии-то? – не выдержав, простонала я, так как поняла, что подруга еще долго намеревается рассказывать о своих подвигах.

– Вот они! – Инка извлекла из кармана фирменный кодаковский конверт. – Все, которые получились.

Из двенадцати кадров получились только шесть. Причем четыре из них относились к более ранним и к Эдику никакого отношения не имели. А из тех восьми снимков, которые сделала Инка, в делогодились только два. Но и их было достаточно. Парень, запечатленный на них, очень смахивал на моего узкоглазого знакомого. Только на фотографии он был в черном костюме с «бабочкой» и в белой рубашкой, а в руках держал не пистолет, а поднос с шампанским.

– Пойдешь в милицию? – спросила Инка. – Он в ресторане будет часов до одиннадцати вечера. Я с ним поговорила. Он сказал, что работает сегодня и завтра будет работать.

– А ты не могла бы сходить?

– Куда? В милицию? – поразилась Инка, словно я ей предложила невесть что. – Ты с ума сошла. Я туда ни ногой, они и так ко мне по всякому поводу заявляются. Как найдут в мусоропроводе чью-нибудь ногу или голову, сразу ко мне.

Я всерьез заинтересовалась причиной такой пристрастности милиции к Инне.

– Не представляю, – призналась Инка. – Только они повадились ко мне наведываться после того, как меня выпустили из психушки.

– ??

– Идиотский случай, – пояснила Инка. – Я была влюблена в одного парня, а у него из-за наркотиков крыша съехала, он мне позвонил посреди ночи и заявил, что если я к нему немедленно не приеду, то он покончит с собой. Я, понятное дело, спросонок сказала, что никуда не поеду, и он бросил трубку. Я ему перезвонила, а он не снимает, тогда я быстро оделась и помчалась к нему. Что я за эти полчаса передумала, страшно вспомнить. Приехала

к нему, звоню, стучу, а он не открывает. Тогда я решила, что с ним все кончено, вернулась домой и приняла снотворное. А утром, как на грех, моя мама заявила и полезла ко мне со скандалом, что я опять не работаю. У меня драма, а она с пустяками. Я схватила нож и говорю, чтобы она шла подбру-поздорову, что мы с ней больше не увидимся. А она заперлась в ванной и начала звонить в «Скорую». А в ванной этот придурок, в которого я была влюблена, забыл шприц с каким-то уксусом. Врачи приехали, маменька им шприц под нос сунула и говорит, что я пыталась с помощью уксуса покончить с собой. Я при этом орала, чтобы все убирались, а жить или умереть – это мое частное дело, их не касается. Но они почему-то меня не послушали и забрали с собой. Правда, быстро выписали, но милиция с тех пор сразу ко мне. Потом с учета меня сняли, а милиция все так и ходит, должно быть, по старой памяти.

– А твой парень умер?

– Да, размечталась! – ответила Инка. – Он мне не из дома звонил. Проспался и к утру был жив и бодр. А я из-за него несколько недель в больнице промаялась. С тех пор больше в то, что кто-то из-за любви может покончить с собой, не верю. Последний раз такое случилось в шестнадцатом веке и то лишь в голове старины Вилли.

– Значит, в милицию ты не пойдешь? – уточнила я.

– И не проси, – ответила Инка и поспешила сбежать, даже не дождавшись ужина.

Пришлось брать инициативу в свои руки, вернее, взять, а потом сразу же передать ее в руки бабушки. Она и отвезла фотографии в милицию и добилась своего – майору пришлось поехать со мной в ресторан, арестовывать Эдика. Тот как раз подавал горячее, когда к нему сзади подкрался майор.

– Молодой человек, пройдемте-ка на минутку! – гаркнул он над ухом бедного парня. Тот от неожиданности вздрогнул и выронил поднос, облив обедающих жирным, должно быть, супом-харчо.

– Милиция! – снова гаркнул майор, предотвратив тем самым грозивший разразиться тайфун.

Облитые граждане позакрывали рты, поспешно расплатились и ретировались, оставив суп дымиться на столе.

– Что вы делали вечером двенадцатого мая? – спросил майор у официанта.

– Это была среда, – подсказала я, выглядывая из-за спины майора и ломая голову, похож этот парень на моего убийцу или все же не очень? На фотографии он был точная копия, а вот живьем...

– В среду я работал и в четверг тоже, – ответил Эдик. – А в чем дело?

– Дело в том, что в среду было совершено нападение, и эта молодая дама уверяет, что это были вы, – заявил майор.

– Это не я, – тут же ответил Эдик. – У нас в среду работы было много, спросите у администратора. У меня не было времени даже покурить толком, а уж на кого-нибудь нападать... А где это случилось? Потому что я выходил несколько раз из ресторана, но только до ларька и обратно. На это у меня каждый раз уходило от пяти до пятнадцати минут.

Мы с майором переглянулись и одновременно подумали: за это время он, в принципе, мог добежать до садика и выстрелить в меня, но и только. Времени на то, чтобы вернуться обратно, не говоря уж о том, чтобы подкараулить меня, у него уже не оставалось. Пришлось предположить, что ему феноменально повезло: он прибежал, увидел меня, пострелял, потом увидел бедную Веру, выпустил в нее несколько пуль и вернулся в ресторан, успев еще по пути купить сигареты, за которыми, собственно, и ходил. Просто фантастическое везение.

– Кто может подтвердить ваши слова? – спросил майор, который – я чувствовала – уже успел возненавидеть меня.

– Да кто угодно! – обрадовался Эдик и поспешил надиктовать нам целый список имен, на проверку которого у майора ушло бы немало времени.

Я же прикидывала: каким образом мне лучше исчезнуть? Ничего толкового не придумав, я просто сбежала, когда майор отвернулся. Чувствовала я себя при этом последней гадиней и к тому же прекрасно понимала: после этого мне к майору нечего соваться за помощью.

Дома я забилась в ванную и начала дрожать там от ужаса. При этом думала: а вдруг сейчас позвонит майор и выскажет моим родителям все, что он хотел бы высказать мне? Так я и трепетала на табуретке, предварительно закрыв входные и прочие двери на все замки. И тут меня осенило: а почему бы не напустить в ванну горячей воды? Напустила – и сразу стало лучше, я даже удивилась, как это раньше не додумалась до такого простого стрессоудаляющего средства. Но только я погрузилась в пушистую пену, как мама постучала в дверь и сказала:

– Тебе звонит Инна. Будешь говорить?

Я вытерла руки и протянула их к трубке, возликовав в душе, – сейчас, мол, выскажу все этой особе, втравившей меня, дуру неразумную, в такую историю. Но Инка меня опередила.

– Слушай, – завопила она в трубку, – я уже все знаю про Эдика, заглянула к нему. Прости, ошибка вышла. Но зато я вспомнила, на кого похож этот Эдик из ресторана. – Не давая мне вставить ни словечка, она продолжала: – Около года назад Родионов пришел ко мне в гости на Новый год вместе со своим приятелем. Заявились они уже ближе к утру, поэтому я подробности плохо помню, но приятеля запомнила. Очень колоритная личность. То есть, может быть, где-нибудь на Филиппинах или островах Индонезии таких парней – пруд пруди, а у нас – редкость. Так мне Родионов тогда по пьяному делу шептал, что приятель его – крутой парень и чтобы я была с ним повежливей. А Родионов сам бандит, ты же знаешь. Поэтому если уж он говорит, то парень действительно крут.

– И что? – вяло разгоняя рукой пену, спросила я.

– А то, что этот парень очень похож на того Эдика из ресторана. Просто вылитый он, – с торжеством закончила Инка.

– Так ты теперь будешь среди своих знакомых подыскивать кандидатуру на роль моего убийцы? – заволновалась я.

Знакомых у Инки было много, не дай бог, кого-нибудь и в самом деле найдет, да только снова не того, а мне отдуваться.

– Тебя пытались убить или нет? – возмутилась Инка. – Я не слышу в твоём голосе желания вывести его на чистую воду. Если ты этим не займешься, то никто не займется.

– После сегодняшнего фиаско в ресторане милиция мне точно не помощник.

– Вот видишь, – неизвестно чему (должно быть, натуре у нее такая пакостная, и как это я раньше не замечала) обрадовалась Инка. – Сегодня же мы к тебе с Родионовым заедем. Он должен помочь своим одноклассникам, не последняя же он все-таки сволочь.

– Да, – согласилась я, – внешность бывает обманчива. В детстве он был славным мальчиком и, конечно, не виноват, что вырос в такого... Кинг-Конга.

После этих слов я сообразила: пожалуй, не стоит приглашать Родионова к себе домой, когда тут родители. Они могут не поверить, что всего за несколько лет голубоглазый мальчуган с рыжими кудряшками – правда, с лексикой у него всегда было плоховато – умудрился превратиться в бритого типа с холодным взглядом, перебитым носом и шеей племенного быка. Поэтому я решила, что лучше уж мне самой отправиться к Инке. Убить меня, может быть, и не убьют, а вот если я представлю Родионова родителям, то в свете последних событий даже того подобия покоя, который я имела, мне в моей семье не видать.

– Лучше я сама к тебе заеду, – предложила я.

Инка спорить не стала, к моим опасениям отнеслась сочувственно и только внесла коррективы:

– У Родионова «бээмвуха», на которой прокатиться – сплошное удовольствие. Мы заедем, может быть, уже через два часа – это чтобы с тобой по дороге ничего не случилось. Поедем ко мне выработать план действий.

И только я собралась умилиться тому, что существует и в наше время такая бескорыстная дружба, как Инка сказала:

– А ты должна испечь пирог, чтобы мы зубами весь вечер не щелкали. А то просить Родионова заехать еще и в магазин у меня язык не повернется.

Я быстренько перестала умиляться бескорыстием Инки, обнаружив, что его у нее и в помине нет. Потом вылезла из ванны, чтобы успеть к их приезду сварганить что-нибудь на скорую руку, а потом выдать за плод долгих усилий. Ничего лучшего мне в голову не пришло, как измельчить яблоки в миксере и приготовить тесто, как для шарлотки. Готовый корж я разрезала на две половины и смочила их папиным коньяком. Затем первый корж я проложила слоем грецких орехов и покупных безе, которые и должны были показать Родионову, как я для него расстаралась – даже безе умудрилась за несколько часов приготовить. Торт выглядел суховато. Пришлось пойти на жертвы, сбить сливки с сахарной пудрой и вывалить их на тот же корж. Потом со вздохом облегчения я прикрыла оставшейся половинкой свое изделие и все залила горячим шоколадом. Подтеки вышли очень красивые, а безе придали торту необходимую высоту. Торт был еще тепловатым, и, чтобы избавиться от этого недостатка, я затолкала его в морозилку и перевела дух.

Два часа спустя я начала беспокоиться. Инка с Родионовым явно задерживались. Даже если предположить, что с тортом я справилась за рекордное время, то все равно они явно опаздывали. Еще через час я начала волноваться, что, пожалуй, не успею вернуться домой до темноты. А еще через несколько часов я с грустью констатировала, что и уйти до темноты у меня тоже не получится – значит, придется объясняться с родителями. Когда часы пробили одиннадцать, меня охватила настоящая паника, нервы в последнее время стали совсем не те, и мне мерещились всякие ужасы, которые могли произойти с Инкой и Родионовым за это время. За Родионова я не очень беспокоилась, все-таки он сам выбрал себе профессию, а вот Инку было жалко. На мои звонки всякий раз к телефону подходила Наташа, Инкина сестра, и с грустью сообщала, что она одна и еще не обедала, даже не ужинала. Когда я совершенно уверилась, что с Инкой все плохо и скоро мне придется ехать опознавать еще один труп, мой телефон издал серию мелодичных звуков, и на другом конце провода объявилась живая и бодрая Инка.

– Мы к тебе едем, – сообщила она. – А угадай, где я сейчас?

– В машине, – вяло ответила я. – А разговариваешь по мобильнику, который тебе дал твой несчастный Родионов.

– Точно! – поразила Инка. – А как ты догадалась?

– Номер высветился не целиком, а только первые три цифры, а так бывает, когда мне звонят по мобильнику. А Родионов наверняка за последние несколько лет пешком не прошел и сотни метров. Вот и вся дедукция.

– Да... – протянула Инка. – Сила! Мы будем у тебя через десять минут. Пирог испекла?

– Испекла, – ответила я и схватилась за голову, так как вспомнила, что вытащить из морозильника свое творение мне в голову не пришло: я, видимо, подсознательно полагала, что ему там самое место.

Бросив трубку и метнувшись к холодильнику, я извлекла из него совершенно окоченевший торт. Требовалась срочная реанимация. Не задумываясь особо о том, можно ли совать торты в микроволновку, я его в нее запихала и с интересом стала следить за преобразованиями за стеклом. На это у меня ушло как раз десять минут, так что до приезда Инки и Родионова я не скучала. Родителям я представила Инку, а Родионову мы всучили повеселевший торт и поручили прикрывать наш отход. Он что-то бормотал про то, что с тортом в руках –

он плохой защитник, так как пистолет будет неудобно достать. Впрочем, возможно, мы его не поняли. Попрошавшись с родителями и клятвенно заверив их, что я от Инны ни ногой, пока за мной утром не зайдет папа, я наконец-то смогла уйти.

В подъезде нас поджидал мрачный Родионов, который настороженно озирался и даже делал попытки заглянуть в мусоропровод. При этом его ничуть не смущал тот факт, что у него в руках был торт, который мы собирались съесть сами, а вовсе не скормить какому-нибудь малоприятному типу.

– Он сбрендил! – возмутилась Инка и отняла у Родионова тарелку с тортом.

Родионов посветлел лицом и смог наконец-то заглянуть в мусоропровод. Лично я только с очень большим трудом могла представить себе человека, который согласился бы по доброй воле сидеть несколько часов в мусоропроводе, поджидая, когда я соблаговолу выйти из своей квартиры. Но у Родионова на этот счет имелось, видимо, собственное мнение, потому что, покончив с мусоропроводом, он повеселел и сказал, что мне ничего не грозит. Во всяком случае, я его фразу трактовала именно так, хотя могла и ошибаться. Я и в школе, бывало, с самыми лучшими побуждениями совала ему тетрадь с домашней работой по алгебре, в то время как ему срочно требовалась шпаргалка по физике. Как бы то ни было, из дома мы выбрались без приключений, и в «БМВ» Родионова тоже никто бомбу не подложил за это время.

Вскоре Инка вспомнила, что у нее дома целых два голодных существа, и начала волноваться. Раньше она о них не вспоминала, и поэтому они ее и не волновали, а тут она принялась психовать на полную катушку.

– Штош ты жа шеста? – спросил Родионов, когда ему надоели ее стенания.

Это означало: что же ты за сестра? Непосвященных обычно бросало в дрожь, когда он при них впервые раскрывал рот. Но мы-то знали: Родионов принципиально оберегает свой рот от посягательств врачей; он и в детстве отказывался ходить к дефектологу и теперь не ходил к зубному. Так что во рту у Родионова было полно зубов сомнительного качества, причем располагались они, как придется. В общем, завернул Родионов к маленькому супермаркету возле нашей бывшей школы и купил там несколько пачекпельменей и несколько коробок с апельсиновым соком.

– Идиот, – прошипела Инка, когда увидела, что он купил. – Не мог спросить, что нам нужно? У меня дома весь морозильник забит этими пельменями, я на них уже смотреть не могу. И куда я эти дену? Если скормить собаке, то она, чего доброго, и лапы отбросит.

– Ты же говорила, что у тебя дома шаром покати. И твоя Наташка жаловалась, что еще не обедала и не ужинала. Что, она не могла сварить себе пельмени? По-моему, вообще ничего легче не бывает.

– Только не у моей сестры, – с горечью ответила Инка. – Просто не представляю, как назвать то место, из которого у моей дорогой сестренки растут руки. Это не ребенок, а сплошной кошмар. Ей ничего нельзя поручить. Когда она еще только переехала жить ко мне, я попросила ее включить стиральную машину, а сама пошла по делам. И что ты думаешь? Она умудрилась выбрать такой режим работы, что машина работала около четырех часов. И представляешь, сколько мне пришлось заплатить потом за электричество? Но это еще простительно, я понимаю, машина – сложная вещь. Но телевизор! Как только Наташа к нему приближается – даже если просто хочет взять свою книжку, которая лежит рядом с ним, – так бедняга «Самсунг» начинает мигать всеми программами. А газовая колонка! – вошла в раж Инка. – Что сложного включить колонку? Надо зажечь спичку, открыть кран, а потом – воду. Всего три действия, но еще не было случая, чтобы Наташка все сделала правильно, поэтому мы постоянно жили под угрозой отравления газом. Мне это надоело, и я запретила ей даже приближаться к бытовым приборам в мое отсутствие. Пускай при мне тренируется, но пока у нее это плохо выходит.

Пока она мне это все рассказывала, Родионов успел купить упаковку пива, загрузить ее в багажник и сесть в машину. Молча. Дома у Инки он сразу же полез в холодильник и несколько изменился в лице, увидев, что холодильник до отказа забит теми же самыми пельменями. Однако, углядев у Инки среди прочей посуды огромную пятилитровую кастрюлю, он приободрился и достал ее с полки.

– Зачем она тебе? – поинтересовалась Инка. – Носки кипятить собрался?

Лично меня ее фраза насторожила, но Родионов к таким житейским мелочам с детства относился философски, поэтому ограничился тем, что сполоснул кастрюлю под струей холодной воды и поставил ее на огонь. Было похоже на то, что он собирается кормить нас ужином. Так и случилось, мы слопали все купленные им пельмени и добрались до запасов Инки.

– Ты ужешла нату? – сказал Родионов, интересовавшийся, вышла ли Инка на работу.

Наташка, которая раньше Родионова не видела, выронила свою пельменину вместе с вилкой и тихо сползла под стол. Было от чего, к Родионову надо привыкать постепенно, а не вываливать его сразу на неокрепший детский организм. И так, глотая половину звуков вместе с пельменями, Родионов все-таки вступил в беседу.

– Нет, собиралась сегодня, но Дашка позвонила, и я решила помочь ей.

Родионов оценивающе посмотрел на меня, и мне стало не по себе. Впрочем, я тут же напомнила себе: это всего лишь мой милый сосед по парте, которого до третьего класса можно было безнаказанно лупить по веснушчатой морде, такой он был маленький и щупленький.

– Бскай итт жа тобой, – предложил Родионов Инке взять меня на работу.

У той вытянулось лицо, и она вопросительно посмотрела на Родионова – мол, в своем ли ты уме.

– Но ты же знаешь, что у меня за работа, – с нажимом произнесла она.

Родионов кивнул и спросил:

– Ты помшь ей хошешь?

– Помочь хочу, – честно вскинулась Инка. – Но как я ее представлю девочкам?

– Моя забота, – неожиданно внятно произнес Родионов и приступил к тарту, полагая, видимо, что он свое дело сделал. А уж дело Инки – довести до моего сведения, что именно он сделал.

– Помнишь, я говорила, что Родионов притащил ко мне в гости парня, который очень похож на того, который напал на тебя? – начала Инка издадека. – Вернее, не на того, который на тебя напал, а на того, который работает в ресторане, но так как они друг на друга тоже похожи, то получается, что первый похож на твоего.

Слушать Инку после того, как Родионов в ключья растерзал нам уши, было сущим удовольствием. Я даже не вдумывалась особо в смысл ее слов, просто наслаждалась их мелодичным звучанием, и мне этого было достаточно.

– Ты меня не слушаешь, – уличила меня Инка. – А я, между прочим, рискую, и очень сильно, только тем, что тащу тебя с собой. Если узнают, что ты не профессионалка, то мне придется не сладко. Даже Родионов не поможет.

– А зачем меня тащить с собой, если это так для тебя опасно, а мне никакой пользы не принесет? – удивилась я.

– Ну, ты даешь, – поразила моей недогадливости Инка. – Ты же там сможешь раз-узнать про своего узкоглазого приятеля абсолютно все, на кого он работает – тоже. Если, конечно, сумеешь понравиться нужным людям.

После этого она замолчала, а я принялась обдумывать ее слова, а также тот факт, что мне придется понравиться каким-то загадочным личностям, которые знают все про наемного убийцу и могут этой информацией поделиться с первой же приглянувшейся им девуш-

кой. Все это выглядело странно. Но еще большей загадкой представлялось следующее: что же нужно сделать, чтобы им все-таки понравиться? Сумею ли я? Ведь могу же и не понравиться, могу вызвать неприязнь. И как угадать, что именно я вызову у того человека, от которого будет зависеть моя судьба?

– А что же мне сделать для этого? – промямлила я, вопросительно уставившись на Инку.

– Во-первых, причесаться и надеть парик.

– Зачем же причесываться, если надевать потом парик? – заканючила я.

– А если придется его снять? – по-своему резонно заметила Инка. – Надо всегда быть в форме и при полном параде. Во-вторых, надо будет переодеться.

– Во что? – поинтересовалась я, имея весьма смутное представление о работе, на которую меня потащит Инка. – В спецовку?

Родионов подавился куском торта и ушел кашлять на лестницу.

– Одежду я тебе тоже дам, как и парик, – великодушно пообещала Инка. – Мы с тобой почти одного роста и размера.

Это с ее стороны было явным преувеличением, так как я выше ее на полголовы, а бюст у нее на два размера больше моего.

– А в-третьих, – продолжала безжалостная Инка, – ты должна что-то сделать с лицом.

– А чем мое плохо? – всерьез обиделась я; на мой взгляд, Инке вообще не стоило бы поднимать эту тему, потому что я тоже многое могла сказать по поводу ее внешности, особенно по поводу ее физиономии.

– Абсолютно ничем, прекрасное лицо, – великодушно похвалила Инка. – Но мы его сделаем немного выразительней, чтобы ты больше не была похожа на саму себя.

Мне оставалось только гадать, что Инка хотела этим сказать, потому что подруга тут же переключилась на свою сестру, требуя, чтобы та показала дневник, тетрадь, вымыла посуду и отправлялась спать. Сделать это одновременно бедняжка никак не могла, и Инка метала громы и молнии.

– Собери портфель на завтра и ложись спать, – распорядилась Инка. – А мы вернемся утром, и я разбуджу тебя, чтобы ты не проспала школу, поэтому будильник можешь не заводить.

– Откуда это мы вернемся утром? – спросила я, чувствуя, как почва стремительно ускользает у меня из-под ног.

– Узнаем про твоего киллера и вернемся, – пояснила Инка.

– Прямо сейчас? – ужаснулась я.

– А чего тянуть? – удивилась Инка. – Чем раньше найдем, тем лучше.

Родионов промычал нечто поощрительное, и мы пошли переодеваться.

– А куда мы поедем? – поинтересовалась я.

– Родионов отвезет нас с тобой в одно славное местечко, где нас уже ждут. Вообще-то он такими вещами не занимается, он выше летает, но ради того, чтобы у нас все сегодня прошло гладко, он поедет с нами. Шофер тоже будет – как же без шофера?

Сообщая мне эти неоценимые сведения, из которых я так и не смогла извлечь информацию о том, куда же мы, собственно, едем (должно быть, мыслительный процесс от мучного затормозился), Инка выкидывала из шкафа на широкую тахту множество ярких тряпок, в которые нам предстояло переодеться.

– Выбирай, – великодушно предложила она. – А я возьму, что останется. И поторопись, времени мало, ехать пора.

Я в растерянности посмотрела на груды тряпья, потом – на Инку. У меня в голове не укладывалось: как это можно куда-либо отправиться, напялив на себя бархатную кофточку с двумя аккуратно вырезанными кружками, обшитыми бисером, на месте груди? А абсо-

лютно прозрачная юбка, к которой пришиты кружевные трусики? Платье же... на пушистом ярко-красном платье сзади был такой вырез, что в него вываливалась вся моя задница. Но нет худа без добра. По крайней мере, я теперь знала, что за работа у Инки, и примерно представляла, куда мы поедem. Даже догадывалась, что следует сделать, чтобы понравиться тем личностям, которые знакомы с моим узкоглазым приятелем.

– А поскромней у тебя ничего нет? – осторожно осведомилась я.

– Куда уж скромней, – возмутилась Инка, натягивая на себя нечто невообразимое, состоящее из узких полосок кожи, цепей и огромного мехового боа из настоящей черной бурки.

Видя, что я пребываю в растерянности, Инка вздохнула и выудила для меня пару туфель с золочеными каблуками, в которых были запрятаны крохотные колокольчики, издающие мелодичный звон при каждом движении. Потом она еще раз нырнула в грудку тряпья и нашла вполне приличное платье из рубинового бархата; правда, в разрезах видны были мои ноги до самого верха. Под платье надевались черные кружевные чулки на подвязках. Облачившись в этот наряд, я почувствовала, что моей спине непривычно свежо. Поспешно обернувшись, обнаружила, что мои опасения подтвердились: до самой поясницы шел вырез, который я вначале не заметила. Напомнив себе, что это – всего на один раз, что все в жизни надо попробовать и, в конце концов, от этого зависит моя жизнь, я смирилась с платьем и с неудобными туфлями. Смирилась даже с немыслимой прической, сооруженной на парике, и с макияжем, от которого я вдруг стала совершеннейшей путаной.

Инка одобрительно оглядела меня и вывела в кухню, чтобы Родионов тоже порадовался. Тот вылутился на меня и сказал:

– Ваще!

– Значит, едем, – обрадовалась Инка и помчалась к двери.

Мы загрузились в «БМВ» Родионова и покатали по ночному городу. Следом за нами увязалась «семерка». После того как мы миновали два моста, а «семерка» по-прежнему была с нами, я забеспокоилась.

– Не обращай внимания, – посоветовала мне Инка. – Это Костик, мой шофер. Он не опасный, только гоняет очень сильно. Я каждый раз с ужасом думаю о том, что мне придется отдаться в его руки.

– Ага, – глубокомысленно произнесла я. Удивительно: у Инки, оказывается, имелся шофер, но не было консервов для собаки и питания для сестренки.

– Когда приедем на место, то ты, пожалуйста, говори поменьше, – проинструктировала меня Инка. – Держись поближе ко мне, я девочкам за тебя все скажу, что нужно. А в разговоре с гостями ты вообще только смейся, и все пройдет как по маслу.

Я попыталась представить себе, как я, постоянно хихикая, но не произнося ни слова, пытаюсь вытащить нужную мне информацию.

– А как же... – начала я.

– Я сама укажу того, кто тебе нужен, – поспешила успокоить меня Инка. – А с ним ты уж сможешь поговорить. Только осторожно, не спрашивай в лоб, а подожди, пока тот тип наберется хорошенько и перестанет следить за тем, что говорит. Только смотри, чтобы он не напился до такого состояния, когда перестанет вообще что-либо соображать.

Я кивнула, с тоской соображая: что будет, если этот тип сегодня не появится или не захочет напиться до требуемого состояния? Тем временем мы подъехали к небольшому двухэтажному домику, снабженному многочисленными мерцающими вывесками, которые сообщали всем умеющим читать, что это казино. Домик был слишком уж неказистый, но я все же зашла – и замерла.

Внутри было тепло, сладко пахло, и играла приятная музыка. Повсюду красовались пальмы в деревянных кадках, а на свободных от пальм местах стояли зеркала, и везде были

постелены ковры. Лестница, которая вела наверх, тоже была застелена ковром, и вдоль нее располагались золоченые светильники. И еще я увидела высоких статных девушек, одетых вызывающе красиво, и мужчин всех возрастов и весовых категорий – преимущественно с жирными мордами.

– Эти тебе ни в каком состоянии ничего по делу не скажут, – шепотом поделилась со мной Инка. – Просто потому, что таких мелочей, как имена киллеров, в головах не держат. Да и привычки говорить по делу у них тоже нет. Нам нужны другие люди.

Она имела в виду откровенных бандитов с лицами настолько промерзшими, что от них до сих пор веяло холодом строгих зон, расположенных в нашей необъятной Сибири. Пока я с трепетом изучала контингент, с которым мне предстояло в ближайшие часы устанавливать теплые отношения, Инка развила бурную деятельность. Она отрядила Родионова на поиски того мужика, который свел бы его с нужным нам человеком, а затем потащила меня знакомиться с девочками. Что она им говорила, я не слышала, но на меня смотрели с сочувствием и утвердительно кивали в ответ на Инкины просьбы. Из чего я заключила, что морду мне девушки бить воздержатся, по крайней мере на сегодняшний вечер. После этого мы снова отправились в зал, где нашли Родионова, который совершенно забыл, зачем его послали – сидел возле рулетки и ставил кучку фишек на черное.

– Мы тут не для игры, – злобно прошипела Инка ему в спину.

Родионов выронил фишки, и они рассыпались по всему полю.

– Ставки сделаны, ставок больше нет, – бодро заявил крупье и крутанул свою шарманку.

Родионов обернулся к Инне и промышал что-то неловкое в адрес всех своих школьных подруг.

– Смотри, ты выиграл! – не обращая внимания на его стоны и бульканье, воскликнула Инна.

Родионов успел обернуться к столу как раз к тому моменту, когда крупье придвигал к нему увеличившуюся в несколько раз кучку фишек. Родионов поспешно их сгреб и смылся от греха подальше, решив поиграть, когда нас рядом не будет. Мы же остались его ждать. Появился он очень быстро и тащил за собой какого-то маленького, но крепенького мужичка, который на ходу пытался выяснить, что Родионову от него нужно. Не то чтобы Родионов это скрывал, пояснения он давал, и даже весьма пространные, просто понять его без соответствующей тренировки было затруднительно. Мужичок был на редкость мерзок: глаза – маленькие и холодные, словно буравчики, лысина же – во всю голову, а цвет лица наводил на мысли о прогрессирующем авитаминозе.

– Сделай лицо попроще, – вполголоса посоветовала Инка. – А то за версту видно, как ты рада тому, что сейчас тебя будут знакомить с этим типом. Просто думай о том, что тебе нужно от него узнать, а про остальное не бери в голову.

Мужик увидел, куда его ведут, и немного успокоился. Видимо, две симпатичные девушки не входили в число вещей, ему неприятных.

– Петерс, – представился он нам, когда Родионов поставил его рядом с нами, призывно улыбающимися. – Выпить хотите?

Пока я соображала, что это – имя или кличка, он уже заказал по сто граммов водки, нимало не смущаясь тем, что ни я, ни Инка водки не хотели. Выпил он ее сам. Вообще-то для наших целей это было хорошо, не приходилось его уговаривать, но, с другой стороны, не было похоже, что на него триста граммов оказали хоть какое-то воздействие. Инка щебетала, что, мол, очень рада познакомиться с таким влиятельным человеком, что она наслышана про него, а теперь у нее такие проблемы – только к нему и обращаться.

– В чем проблема? – спросил Петерс, закусывая водку лимоном.

– Надоел один человек, требует от меня немислимых денег, десять тысяч. Я ему машину разбила, вот он и злобствует. А машина – форменный металлолом, только что марка известная, и за эту грудку ржавого железа он хочет десять тысяч или грозитя меня изуродовать. Квартиру уже поджег, боюсь, что и до меня скоро доберется. Десяти тысяч у меня нет, а лицо мне надо беречь, – плакалась Инка.

Но Петерса – он опрокинул уже пятую рюмку – Инкина повесть, похоже, не растрогала.

– А я что могу? – спросил он, поглядывая по сторонам и явно желая смыться.

Видя такое дело, я решила, что самое время мне выступить и постараться его охмурить настолько, чтобы он забыл свое намерение бросить бедную девушку на произвол жестокого вымогателя.

– Про вас все тут говорят, что вы авторитет, – почтительно проговорила я. – Только вы и можете помочь.

– А ты сама кто такая? Что-то раньше я тебя тут не видел.

– Она из Хабаровска, – поспешила мне на выручку Инка, к сожалению, не подумав о том, откуда на своем Дальнем Востоке я могла слышать про Петерса.

– Новенькая, – удовлетворенно заметил Петерс. – Я и смотрю, что мордашка у тебя незнакомая. Так что вы от меня хотите?

– Не могли бы вы присоветовать мне человека, который занимается улаживанием подобных проблем, – перестав плакать, сказала Инка. – Хорошо было бы избавиться от моего преследователя навсегда. Вы понимаете, что я имею в виду. Я слышала, что это будет стоить значительно меньше, чем запрашивает этот ненормальный.

Петерс заинтересованно глянул на Инку, словно ждал от нее любой другой просьбы, но только не этой.

– Мда... – протянул он. – Неприятно на старости лет убеждаться в том, что разучился разбираться в людях. Обманула ты меня, девочка. Не ждал я от тебя такой прыти. В какую же ты сумму намерена уложиться?

По его физиономии было невозможно понять, шутит он или нет. Я же склонялась к мысли, что этот прохиндей, чего доброго, еще потребует у Инки своей доли за сводничество. Но ничего подобного не произошло, может быть, он просто не успел, потому что в этот момент на нас набросилась целая компания парней с такими рожами, что если бы дело происходило не в людном месте, а на тихой улочке, то следовало бы кричать «караул». Но ничего подобного кричать я не стала, зато здорово удивилась: эти братки предлагали нам проделать с ними такое... Я даже не представляла, что люди действительно такими вещами занимаются, думала, что это все плод бурной фантазии восточных писателей.

К сожалению, в суматохе мы потеряли Петерса, а ребята так прилипли, что отвязаться от них не было никакой возможности. Кроме той, о которой и думать не хотелось.

– Поедем к ним, – шепнула мне на ухо Инка. – Вроде хорошие ребята.

У меня глаза от ужаса стали совсем как плоски, и я ничего не смогла в ответ из себя выдать. Инка приняла мое молчание за согласие, хотя, надо сказать, зря это сделала. В общем, потащила она меня за собой. С тоской во взоре я оглядела зал, надеясь увидеть милого Родионова, но эта скотина, как назло, куда-то подевалась.

– Зачем ты с ними идешь? – приставала я к Инке. – Мы же еще не договорили с Петерсом – или как его там на самом деле зовут?

– Он от нас никуда не денется, – отмахивалась Инка. – И потом... Ты же видела, как он рожу крутит, может, еще ничего и не сказал бы. А этих ребят я отлично знаю, они не такие чистюли, как Петерс, с которым я сегодня впервые словечком перекинулась и, честно сказать, в восторг не пришла. Если они с Родионовым такие друзья-приятели, так пускай наш Родионов с ним и договаривается.

В роскошную иномарку поместились всего четыре персоны, две из которых были мы с Инкой. А пятым оказался шофер. Наши кавалеры выглядели просто ужасно. Если бы не заверения Инки, что это – ее лучшие друзья, я бы со страху померла. Почтение внушали и их телеса. Я спросила, оказалось, что такие тела производят в Сибири, где именно, они не уточнили. Но по мне, и так ладно, Сибирь – она и есть Сибирь. А вот лица у крепких мужичков сильно подкачали. Интеллектом они не блистали, и было очевидно: любая мысль, не связанная с насущными потребностями тщательно холимого тела, изгонялась с позором из этих крепких голов. В общем, свободного места у них в черепах оказалось много, а рожи были просто зверские. Правда, наши приятели проигнорировали повальную моду на стрижку под бокс и носили вполне разумные прически, которые, надо признать, их красили, но все-таки не настолько, чтобы я смогла довериться этим людям.

Место назначения держалось в секрете. Программа на вечер – тоже. Я томила мрачными предчувствиями, сидя на заднем сиденье белого «Форда», а Инка ворковала с мужиком на переднем сиденье. Причиной моего дурного настроения было еще и то, что мужик, сидевший рядом со мной, не очень-то мне обрадовался. Более того, сидел мрачнее тучи и в мою сторону смотреть избегал. Должно быть, так поступить его заставили мои постоянные жалобы на холод, жару, духоту и сквозняки. При этом я еще рассказывала про киллера-азиата, которого мне во что бы то ни стало нужно найти, потому что иначе мне не жить. Мужик тихо сатанел, но продолжал делать вид, что мы с ним вовсе не в одной машине и вовсе не на одном диване.

– Куда поедем? – спросила я в очередной раз только для того, чтобы напомнить о своем присутствии; надеяться на то, что мне ответят, я уже давно перестала.

– В Москву, – неожиданно ответил Иннин собеседник.

– Как в Москву? – ужаснулась я. – Я не могу туда. Мне надо завтра быть дома, а то мои родители свихнутся.

Мужики повернулись ко мне, точно по команде, и уставились на меня в изумлении.

– До завтра тебя никто и не будет держать, – сказал мой сосед, окончательно убеждаясь, что у меня с головой не все в порядке.

– А как же мы вернемся? – продолжала я истерично восклицать, не забыв и про Инку, которой, я помнила, утром сестру завтраком перед школой кормить – а как бы она это умудрилась сделать из Москвы?

– На этой самой машине, мы ее на сутки арендовали, – промычал мой сосед, и я поспешила заткнуться.

Внезапно мой сосед встrepенулся и высунулся в окно.

– Останови здесь, – распорядился он.

– Чего там? – спросил его приятель, но мой мужик уже вылез из машины и припустил через дорогу.

Хочешь не хочешь, нам тоже пришлось вылезать и мчаться за ним к ярко освещенной витрине магазина, в котором проводилась распродажа техники, так что по этому случаю магазин работал круглосуточно. Когда мы вошли внутрь, наш приятель уже облюбовал себе музыкальный ящик с клавишами, на котором с помощью незамысловатой инструкции – она прилагалась – можно было создавать собственные (или почти собственные) музыкальные произведения.

Счастье, которое светилось в глазах у взрослого мужика ростом с матерого медведя, можно было сравнить только со счастьем младенца, получившего свою первую игрушку. Он в упоении молотил толстыми, как сардельки, пальцами по клавишам и внимательно прислушивался к тем звукам, которые производил. О нас он вспомнил только в тот момент, когда мы возникли рядом с ним – и то лишь в связи с тем, что теперь мог продемонстрировать приятелю свое приобретение. Второй мужик тоже заинтересовался, и мы с Инкой заскучали

и отправились обследовать магазин. Однако ничего интересного не обнаружили. Мужики же про наше существование напрочь забыли, и нам пришлось догонять их уже возле машины.

– Теперь едем в Москву, – сказал гордый владелец музыкального чуда. – Снимем там номер и опробуем ее наконец. Только надо будет спиртного взять. Вы, девочки, что будете?

– Не рано ли затариваться? – поинтересовалась я. – До Москвы еще далековато.

На меня снова недоуменно посмотрели и больше почему-то ни о чем не спрашивали. В холле гостиницы «Москва» мужики купили шоколад, соки, кокосовый ликер для нас с Инкой и коньяк для себя и поднялись в номер, который тут же и сняли. В номере имелись две комнаты с роскошными спальными местами в виде огромной кровати и не менее огромного дивана. Увидев их, я снова расстроилась, но, как оказалось, совершенно напрасно. Мужики наспех покидали свои покупки на стол и с увлечением стали изучать свой главный трофей – музыкальный компьютер. На нас с Инной у них просто не осталось времени. Нельзя сказать, что мы плохо провели время. В течение трех часов мы с Инной чинно сидели на диване и пили жутко вкусный ликер, заедая его белым шоколадом. Между делом мы рассказали нашим друзьям о том, что нам нужно найти узкоглазого убийцу, причем давили не столько на их жалость, сколько на то, что терпение у них лопнет и они в конце концов либо дадут нам какие –нибудь координаты, либо выставят прочь. Нас и выставили. В какой-то момент владелец компьютера восторженно посмотрел на часы и, потянувшись, сказал:

– В боулинг играть, так, пожалуй, ехать уже поздновато.

Эта фраза подвела итог нашему пребыванию в гостиничном номере. Так для нас и остался невыясненным вопрос: то ли мы им были нужны лишь как компания для боулинга, то ли мы смущали их и не давали толком разобраться с игрушкой. В общем, нас вежливо проводили к машине и поручили шоферу доставить туда, куда мы попросим.

– Ты тут про мокрушника спрашивала, – сказал на прощание один из парней. – Под твое описание подходит только один, но достать его будет непросто. Он звонит только заказчикам. Кто у вас заказчик?

– Я, я, – проблеяла Инка, хотя никто ее за язык не тянул.

– Значит, твой телефон ему и дадим. Готовь бабки, – обрадовали ее наши приятели и с видимым облегчением захлопнули за нами дверь машины.

В казино мы уже не вернулись. Инка сказала, что смешно ехать туда, когда все нормальные люди уже едут обратно, и мы вернулись к ней домой – дожидаться звонка от Родионова. Но он не звонил, зато позвонила моя мама, которая проявила удивительную проницательность и заявила, что нас еще минуту назад дома не было. Пришлось врать, что мы спали мертвым сном и звонка не слышали. Она не поверила, но звонить перестала.

Утром ни свет ни заря нас разбудил мой папа, которому было поручено транспортировать меня до дома, а Инка осталась на телефоне – ждать звонка от Родионова или от киллера, это уж как получится. Первым позвонил киллер, об этом я узнала от той же Инки.

– Он звонил, – в полном упоении верещала она в трубку. – Звонил и взял заказ.

Приехав домой, я тотчас завалилась спать, поэтому спросонок толком ничего не поняла и по своей наивности решила: речь идет о каком-нибудь возлюбленном моей – опять же какой-нибудь – подружки (Инку спросонок я также не узнала).

– Он сам назвал место, где мы встретимся, – продолжала Инка.

Наконец я ее узнала, а узнав, вспомнила, что она уже долгие годы ни о каком своем возлюбленном не заикалась, тем более с таким восторгом в голосе. Уяснив себе это, я призадумалась: каким же удивительным типом должен оказаться тот, из-за которого она мне звонит?

– Мы договорились, что я ему там оставлю первую половину денег, а вторую – после выполнения заказа.

– Какого заказа? – зевнув, спросила я.

– Ты спишь, что ли?! – проявив проницательность, возмутилась Инка. – Ну, ты даешь. Я тут ради тебя договариваюсь с твоим убийцей, а она там дрыхнет без задних ног.

Услышав про моего убийцу, которому Инка заплатила или заплатит в ближайшее время кругленькую сумму, я всерьез заволновалась и уже окончательно проснулась.

– А кого ты ему закажешь и где деньги взяла? – спросила я первое, что пришло мне на ум.

– Пусть тебя это не волнует. По счастливой случайности, у меня есть знакомый, который изготавливает фальшивые баксы, и другой знакомый, которые эти баксы у него покупает, но между собой они незнакомы, так что акт покупки-продажи осуществляется через меня. Сейчас у меня на руках скопилась куча фальшивых баксов, которые я вполне могу на денек пустить в оборот. А кого заказать – у меня тоже найдется, мало ли скотов вокруг? К тому же вряд ли убийце удастся довести дело до конца, мы же его разоблачим, деньги вернем себе, а жертва останется, наверное, жива. А если и не жива, то туда ей и дорога. Я себя винить не стану, пусть это будет несчастный случай. Но я сделаю все для того, чтобы сохранить тому типу жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.